

Оксана Вздорик

Бес³ памяти

роман-размышление о женском счастье

Оксана Вздорик

**Без памяти. Роман-
размышление о женском счастье**

«Издательские решения»

Вздорик О.

Без памяти. Роман-размышление о женском счастье /
О. Вздорик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964411-4

Каждый влюбленный готов отдать свое будущее любимому. Не задумываясь, он обещает свое грядущее, еще не прожитое, туманное и неясное. Он готов менять свои планы и подстраиваться, чтобы быть счастливым вдвоем. А готовы ли Вы с той же легкостью положить на алтарь ваше прошлое? Счастливое или не очень, но такое родное, пережитое и сотворившее Вас? Готовы ли вы отказаться от него? Просто забыть? Чтобы сделать счастливее свою половину? Не торопитесь с ответом. Подумайте... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-964411-4

© Вздорик О.
© Издательские решения

Содержание

Оглавление	6
Вместо предисловия!	7
Вместо предисловия?	8
Открытие	9
Тест	11
Письмо из прошлого	13
Постановка задачи	16
Неуважение к мужчинам	17
* * *	22
Образ отца	24
История, рассказанная мамой	25
Еще одна жуткая история из детства. Драка	30
Открытие второе	35
– ВК	43
Дядя и ревность	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Без памяти

Роман-размышление о женском счастье

Оксана Вздорик

© Оксана Вздорик, 2019

ISBN 978-5-4496-4411-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

Вместо предисловия!

Каждый влюбленный по-настоящему сильно влюбленный человек безоговорочно готов отдать свое будущее любимому. Не задумываясь, он обещает посвятить свою жизнь возлюбленному, кладет на алтарь свое грядущее, еще не известное, еще не прожитое, туманное и неясное. Он готов менять свои планы и подстраиваться, чтобы быть счастливым вдвоем. А готовы ли Вы с той же легкостью положить на алтарь ваше прошлое? Счастливое или не очень, но такое родное, пережитое и сотворившее Вас? Легко! – ответят некоторые. А если подумать? Ведь воспоминания – это часть вашей личности. Готовы ли вы отказаться от нее? Просто забыть? Чтобы сделать счастливее свою половину? Не торопитесь с ответом. Подумайте...

Вместо предисловия?

Ревность – страшное чувство. Оно пагубно для любви, особенно когда ее подменяет. Глупо ревновать к прошлому. Это понимают все. Но мало кто может держать в узде свои чувства, когда прошлое то и дело напоминает о себе в настоящем.

Открытие

Был обычный день ее обычной жизни. Она ждала с работы мужа – тихонько прибиралась в доме. Подружка позвонила полчаса назад и отменила встречу, так что теперь у Леры было три свободных часа, и она решила разобрать чулан, куда не заглядывала уже несколько лет.

И именно там, в кладовке на верхней полке, Лера нашла то, что изменило ход событий.

Большая запечатанная коробка с надписью «Личное» почему-то подняла волну ужаса.

Сердце упало куда-то вниз живота и гулко звучало там, отдаваясь в висках и пульсируя темнотой перед глазами.

Как странно. Не помню, чтобы мы что-то такое собирали. Хотя коробка кажется знакомой.

Внутри оказалась куча бумаг, письма, фотографии, записки, обрывки нот и стихи на салфетках. Что-то странное было во всем этом. Особенно фото. На них были незнакомые люди, хотя некоторые, казалось, вышли прямиком из Лериных снов. Что-то резало глаз. Что-то в этих мирных пейзажах, посиделках, вечеринках и групповых позах цепляло ее за живое. Девушка, очень похожая на нее саму, смотрела на Леру с фотографий. Эта могла бы быть ее сестра-близнец. Или даже она сама, живи она другой, не знакомой ей жизнью. Разглядывая письма, Лера все больше приходила в ужас. В строке «кому» стояло ее имя в девичестве. Но она не получала этих писем, не знала их отправителей.

Что все это значит? Откуда это все? Чье?

Недолго думая, она решила позвонить мужу. Она всегда так поступала, когда не знала, что делать. А надо признать, с ней это регулярно случалось. Неглупая начитанная хорошо образованная молодая женщина почему-то боялась принимать решения. Или даже не так. Ей не приходило в голову, что это можно делать. Она так давно жила со Стасом, так привыкла советоваться с ним, во всем полагаться на него, что в любой ситуации ее первой реакцией было позвонить ему. Вот и сейчас она взяла трубку.

– Милый, привет. Я тут кое-что нашла. Коробка такая «личное». Не знаешь чья?

– Ты ее уже открывала?

– Ну, да. Там какие-то бумаги, письма.

– Ничего не трогай. Я сейчас приеду.

Что это с ним? Никогда он так резко не разговаривал. Да и чтобы так волновался не припомню... как же он сейчас приедет? Ведь пробки кругом...

Стас уже давно не приезжал с работы раньше 22.00. Предпочитал поработать лишние 3 часа, чем стоять их в пробке. А сейчас было только шесть и его «сейчас приеду» обещало затянуться неопределенно долго.

Лера положила трубку и в ступоре вновь уставилась на коробку.

Что-то тут не так. Может, стоит взглянуть еще раз прежде, чем он приедет?

Она стала выкладывать вещи из коробки. Методично, не спеша, аккуратно, как делала любую работу по дому. Фото в одну стопочку, конверты в другую, стихи и песни – отдельно. Были еще какие-то безделушки, назначение которых она так и не поняла, несколько дисков старого образца, древние дискеты.

Любопытно, что на них? Сейчас очень трудно найти устройства для их просмотра.

Добравшись до дна коробки, она увидела тетрадь. Такими пользовались студенты еще 20 века. Большая в 160 листов тетрадь в клеточку, исписанная убористым, острым и явно очень быстрым почерком уверенного человека. На обложке маркером – «Лере».

Это уже любопытно...

Зазвонил телефон.

– Мама? Привет. Что случилось? Почему голос такой?

– Мне только что звонил Стас. Он едет домой. А я решила пока с тобой пообщаться.

Как ты, доченька?

– Да я тут странную коробку нашла. Тебе имя Евгений Чемизов о чем-нибудь говорит?

– Нашла... – голос у мамы упал, стал звучать очень тихо и задумчиво. – Наверное, тебе лучше дождаться Стаса и его расспросить. Как тебе спалось?

Это был любимый мамин вопрос. Она каждое утро звонила и подробно расспрашивала Леру о ее снах. Если той снились странные сны или незнакомые люди, мама всегда просила детально описывать их и словно делала пометки. Сегодня они об этом уже говорили, так что Лера не знала, что еще рассказать.

– Мам, я слышу, ты что-то знаешь. Зачем ты переводишь тему? Чье это?

– А ты не догадалась? Ты не смотрела, что там внутри?

– Ну, так. Разложила по стопкам, а что?

– Тетрадку не открывала?

– Нет.

– Вот и не открывай. Дождись Стаса, пожалуйста.

– Мам, я начинаю волноваться. Объясни мне, в чем дело? – голос повысился сам собой.

Она не хотела кричать на мать, но та разрыдалась в трубку.

– Я перезвоню вечером – и положила, даже не попрощавшись.

Ну и ну. И как все это понимать? И откуда она знает про тетрадку?

Тест

Лера открыла тетрадь. Сразу за обложкой явная вклейка:

Лера! Если ты нашла это случайно, позвони мужу и не читай дальше.

Ну, мужу то я уже позвонила, а вот прочесть вы мне не запретите...

Пожалуйста, ответь на вопросы теста, прежде чем перевернуть страницу.

Тесты были любимым ее занятием. В журналах для женщин или в психологических журналах она всегда начинала чтение с теста, так что теперь это тоже было интересно.

- Сколько тебе лет?
- Есть ли у тебя дети?
- Когда вы последний раз были в Новосибирске?
- Часто ли тебе сняться сны?
- Бывает ли у тебя дежа вю?
- Много ли у тебя друзей?
- Любит ли тебя муж?
- Любишь ли ты его?
- Счастлива ли ты? Когда ты последний раз испытывала острую радость?
- Хочешь ли ты изменить свою жизнь?

Сколько мне лет? – Тридцать пять. Это ноль очков???

Детей у меня пока нет. А это целых 5 баллов. Интересно почему?

В Новосибирске мы последний раз были 3 года назад, когда у меня случились страшные головные боли, а там расположен единственный институт, который работает с такими проблемами. Итак, три года назад это 7 очков. Любопытно.

Часто ли мне сняться сны? Да практически каждый день. Во снах у меня какая-то другая жизнь. Интересная, полная приключений, разных людей. 10 очков за сны каждый день.

Бывает ли у меня дежавю? – Регулярно.

С дежавю у Леры были особые отношения. Очень часто, когда она приходила куда-то в первый раз, ей казалось, что она уже там была. Она узнавала не только обстановку, но и людей, и запахи, и вкусы. Случалось, что узнавали и ее. Или принимали за кого-то другого. Ей даже регулярно казалось, что по городу ходит ее сестра-близнец, которая знает всех этих людей и передает ей что-то через сны. Однажды Стас чуть не избил официанта, который слишком активно включился в обсуждение феномена дежавю и пытался доказать Лере, что видела она и этот ресторан, и его не во сне. А просто была там раньше, месяца три назад, да только забыла. А вот он ее очень даже хорошо помнит. С тех пор Лера перестала кому бы то ни было говорить «У меня такое чувство, что я вас где-то раньше видела», – не хотела, чтобы кто-нибудь пострадал от крепких кулаков ее мужа. Все-таки он спортсмен, хоть и любитель.

Но тесту можно было ответить честно. Да, дежавю с ней случаются очень часто. Причем последнее время не только в новых местах, но и дома у нее регулярно возникает чувство, словно все это уже было. Может некоторое однообразие занятий дает такой эффект? Даже сейчас, отвечая на этот тест, она подумала, что уже делала это раньше.

Итак, да – 10 баллов за регулярное дежаВю.

Много ли у меня друзей? Для получения балла предлагается отнять их число от 10. да что тут отнимать? Подруги у меня всего 2 и встречаемся мы с ними нечасто. С обеими познакомилась уже после тридцати в спортзале

для обеспеченных домохозяек. А друзья юности и молодости давно исчезли из моей жизни. Все это произошло так незаметно и так давно, что я даже не могу вспомнить ни причину, ни повод. Просто перестали встречаться, потом звонить, потом даже писать друг другу. Нет, друзей у меня немного, так что этот вопрос прибавляет мне еще 8 баллов.

Любит ли меня муж? Боже! Ну, как я могу ответить? Конечно, любит! Мне так кажется. Ну, да, последнее время мы не так часто бываем вместе. Он много работает и часто ездит в командировки. Но он меня любит. Заботится обо мне, переживает. Страсть, конечно, сейчас не так кипит, как раньше, но я его по-прежнему возбуждаю, особенно, когда мы играем. Только вот разговариваем мы мало и с родственниками кроме мамы почти не общаемся, но ведь это мало относится к любви. Варианты ответа по пятибалльной шкале: 0) уверена, 1) мне кажется, 2) не знаю, 3) не уверена 4) думаю, нет 5) нет. Ладно, пусть будет «мне кажется».

Люблю ли я его? Очень. Я не представляю без него своей жизни. Он нужен мне как воздух, как вода. Он мое солнце. Конечно же, я люблю его. – 0 очков.

Счастлива ли я? Ну, да. Это конечно не буйная радость, а тихое семейное счастье. О таком мечтают, наверное, все женщины. А острая радость... С острой радостью все непросто. Радость я испытываю регулярно. От удачно приготовленного обеда, интересного найденного рецепта, похвалы тренера в спортзале, да просто розового луча заходящего солнца. Но чтобы острую, яркую, все затмевающую радость... Когда же это было? Почти год назад, когда Стас вернулся из командировки в Швейцарию и привез мне оттуда бриллиантовое кольцо. Встал на колени, протянул мне футляр и сказал: «Умоляю тебя быть моей королевой». В футляре вместе с украшением было приглашение на новогодний бал. Я так обрадовалась! Мне был приятен сам жест. Я впрямь почувствовала себя королевой. Да, острую радость я испытывала больше года назад, то есть, за этот ответ еще 8 очков.

И что там у нас напоследок? Хочу ли я изменить свою жизнь? – не уверена. – 3 очка.

И что все это обо мне говорит?

Просуммируй баллы. Если получилось больше 50, вероятно, тебе следует читать дальше. Но знай, то, что ты найдешь в этой тетради, изменит твою жизнь. Готова ли ты? Хочешь ли? Если нет, просто дождись Стаса. Он все исправит. Если же желание что-то изменить больше, то надо решиться. Нет смысла сидеть дома. Бери тетрадь и иди туда, где никто не будет мешать тебе ее читать. Не стоит оставлять записок или звонить Стасу. Бери тетрадь (а лучше всю коробку) и уезжай. Прямо сейчас.

Надо же как... Прям все бросить и сбежать?

Идея показалась соблазнительной. В жизни так давно не было приключений, что подобный побег показался приятной возможностью. Лера сложила все обратно в коробку, погрузила в машину и выехала за ворота.

Куда же мне поехать?

Она отправилась в кофейню, где собиралась сегодня встречаться с подружкой. Столик все равно уже был заказан.

– Вы будете одна?

– Да.

Давненько она не сидела в кафе одна. Затаив дыхание достала из сумки тетрадь. Вторая страница была написана тем же почерком.

Письмо из прошлого

Что тебе нужно знать...

Во-первых, дорогая, пойми: ты читаешь письмо из прошлого. Ты сама пишешь его себе. Точнее нет, не так. Это я, Лера Ковальчук, двадцати пяти лет пишу себе, себе в будущем. Пишу, потому что приняла сложное и очень странное решение. Я согласилась на чистку памяти. В 2005 году эта операция еще только разрабатывается. Фактически я согласилась войти в экспериментальную группу, с которой работает команда ученых в Новосибирске. Они создали методику, позволяющую блокировать определенные нервные (ассоциативные) цепочки мозга. Т.е., попросту говоря, дезактивировать определенные очень мелкие участки коры головного мозга, чтобы стереть из памяти выбранные воспоминания. Программа разрабатывалась для лечения психиатрических отклонений и девиантного поведения, но первые эксперименты было решено ставить только на здоровых добровольцах. И я стала одним из них. Зачем я это делаю? Это сложно объяснить другому человеку. Но ты, я думаю, легко поймешь. Ведь ты – это я, только уже после операции. Я делаю это ради Стаса. И ради себя, конечно. Я так люблю его, что не хочу заставлять страдать, не хочу мучить его своими воспоминаниями. А они причиняют ему боль. Я вижу это и чувствую. И я его понимаю. Моя жизнь до него не была монашеской. У меня было много мужчин. И пусть никого из них давно нет в моем сердце, они живы в моей памяти и это его угнетает. Это подрывает его уверенность в себе и во мне, заставляет ревновать. Нет, не потому, что я часто вспоминаю про них. Нет. Я вообще стараюсь не говорить с ним о прошлом. Но я уже совершила ошибку, подробно рассказав ему историю своей жизни и отношений. И теперь всякий раз, когда случается ситуация, похожая на одну из тех, что я описывала, он знает, какие в моей голове всплывают ассоциации. Он фактически читает меня как раскрытую книгу и всякий раз это причиняет ему боль. Но если бы дело было только в его знании, то, наверное, проще было бы ему присоединиться к экспериментальной программе.

Но ведь мои воспоминания действуют негативно и на меня. Многие или, скорее, все мои страхи растут из этих воспоминаний и мешают мне быть счастливой, порождают напрасные сомнения. И избавиться от них можно только так, при помощи новой методики. Долгие годы психотерапии не прельщают меня, когда есть возможность быстро и легко решить то, что консультанты пытаются сделать десятилетиями.

Я собираюсь стать новым человеком – спокойным, уверенным, оптимистичным, счастливым. Я решила удалить неприятные моменты своего прошлого. Словно этого и не было никогда, а значит и последствий этого в моей психике тоже не будет. Перед началом работы в программе меня попросили максимально подробно описать все, что я хочу забыть, все связанные с этими моментами ассоциации, все, что поможет врачам максимально точно вычленить задействованные участки коры. В этой тетради ты найдешь то, что я собираюсь забыть. Зачем же тогда я пишу это предисловие и оставляю тетрадь там, где смогу ее найти? На всякий случай. Методика еще не испробована, и кто знает, чем может закончиться этот эксперимент. Вдруг случится так, что нужно будет все вспомнить. Или, по меньшей мере, осознать, что все это было. В общем, тебе решать, хочешь ли ты знать о своем прошлом малоприятные подробности, или тебе и так живется хорошо.

Привет тебе, Лера будущего. Тебя ждет путешествие в твое прошлое, точнее в мое прошлое, ведь ты то уже ничего этого не помнишь.

* * *

Лера читала все это со странным ощущением. Ей с трудом удавалось сдерживать себя, чтобы не подойти к кому-нибудь с просьбой ущипнуть ее. Совсем не верилось, что это могло быть правдой. Но для розыгрыша уж как-то больно мудрено. Ужасно, что проверить это было практически невозможно.

Можно, наверное, позвонить в Новосибирск... Только вряд ли по телефону мне хоть что-то скажут. Можно потребовать объяснений от мамы – она то явно в курсе. Стас – так вообще центральная фигура во всей этой истории...

Но его-то как раз почему-то ни видеть, ни слышать не хотелось теперь совсем. Что-то в Лере менялось безвозвратно. Что-то умирало внутри. Или наоборот просыпалось?

Комок в горле все рос и рос и, неожиданно для себя, она разрыдалась в голос прямо в кафе.

– Вина? – заискивающе спросил немного растерянный официант.

– Нет, просто воды, пожалуйста.

Вина? Чья?

Лера чувствовала себя маленькой девочкой, заблудившейся в большом магазине. Кругом столько всего интересного, завораживающего, необычного, но все это не радует, когда мамы нет рядом и не знаешь, куда идти. Сто шестьдесят страниц тетради казались сейчас полками со сладостями, витринами, набитыми игрушками, но мамы не было. Кто купит их ей? Кто поможет донести до дома? Пора было становиться мамой самой себе. Но как? Как она, ничего не знающая о своем прошлом, может вдруг резко изменить свое будущее? Зачем? Для чего?

Лера пошла к зеркалу, не забыв прихватить тетрадь с собой, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не увидел. Умыла все еще молодое лицо, заглянула себе в глаза.

Мне всегда говорили, что я выгляжу моложе своих лет. Сейчас, кажется, начинаю понимать, почему. То, чего не помнишь, не отражается в глазах, не прибавляет опыта, не добавляет лет.

Она внимательно вглядывалась в свое лицо. Чистая, практически без морщин кожа. Четко очерченные брови, скулы и подбородок. Большие карие глаза и аккуратный носик. И губы, будто нарисованные умелой рукой влюбленного художника: не слишком пухлые, но чувственные, нежного по-детски розового цвета, словно обведенные по внешнему контуру белым карандашом.

Да я красotka! Только прозвучало это почему-то с едкой иронией. ...Начать все сначала? Вот сейчас выйти из туалета, закрыть за собой дверь и оставить там 9 лет жизни со Стасом? Девять лет жизни в мире иллюзии и беспамятства? И что дальше? Прочесть тетрадь и начать жить так, словно я действительно помню все, что там написано? С таким же успехом могу взять любую биографию и попытаться убедить себя, что все это было со мной, что это моя жизнь. В чем суть? Как это должно работать?

Лера вернулась за столик и снова открыла тетрадь. Не читалось. Строчки прыгали словно вредные насекомые.

Но ведь я то помню свое прошлое. Или, как минимум, часть его. Что-то должно совпадать и перекликаться, иначе во всем этом вообще нет никакого смысла.

Родилась я во Владивостоке. Жила и ходила в садик на Первой речке. У нас была двухкомнатная квартира, где мы жили с мамой, папой и сестренкой. Сестра умерла, когда мне было 9. Я была отличницей в школе, но на два года потеряла интерес к учебе. Мама работала юристом, папа машинистом. В 10 мы завели собаку – колли. А в 12 переехали в другой район. Родители не смогли перенести смерти сестры и разъехались, когда я была в пионерском лагере. В новой школе я снова стала отличницей.

Закончила ее с золотой медалью, поступила в институт на факультет международных отношений. На втором курсе решила перебраться в Москву, поступила в МГИМО. Через год переехала мама. Годы учебы прошли как-то однообразно. На пятом курсе познакомилась со Стасом: мама пригласила его к нам домой установить какую-то программу на комп. Он пригласил меня на свидание и уже через 3 месяца мы сыграли свадьбу в узком кругу ближайших родственников. Потом были путешествия вдвоем, бурный секс и тихие вечера. Россия, Европа, Америка, Дальний восток и Австралия – мы выбирали места, где можно все время проводить вдвоем, не сильно сливаясь с толпой туристов, где красивая природа и возможность активно ухаживать за телом. Потом постепенно все стало стихать. Ездить в отпуск получалось не чаще двух раз в год. Стас не хотел, чтобы я работала, сам зарабатывал достаточно. И я занялась обустройством дома, шила скатерти и занавески, платья, рубашки и мягкие игрушки. Осваивала замысловатые рецепты, ходила в спортзал и салон красоты, холила и лелеяла себя. По мне, так прекрасная жизнь. Разве что детей не мешало бы завести. Мы думали об этом в самом начале семейной жизни, но решили подождать. А сейчас как-то даже и не хочется. Так привыкла все время посвящать себе.

Лера удивилась, как легко и быстро можно описать ее жизнь. Чем же тогда заполнены эти 160 страниц тетради? О чем так много писала ее... Лера никак не могла переварить мысль, что это писала она же. Ей проще было считать хозяйку тетради своей предшественницей, вестницей из прошлого, любым другим отдельным человеком, только не самой собой. Она все еще не чувствовала ничего общего между ними.

Итак, я готова к знакомству со своим альтернативным прошлым. Отнесусь к этому как к книжке. Отождествляем же мы себя с героями читаемых романов. Так почему бы не сейчас?

Она открыла тетрадь на странице №4.

Постановка задачи

Итак, с чего же я хочу начать? Что в настоящем беспокоит меня больше всего?

Николай Иванович, психоневролог из клиники, предложил мне воспользоваться самым простым и годами проверенным способом: составить список проблем, которые мне мешают, и отыскать все ситуации в моей жизни, когда они себя проявляли. Так я и поступлю.

Неуважение к мужчинам

Когда же и как оно у меня появилось? Осознала я его не так давно. Все мои подруги страдают тем же недугом. И вообще мне пока не встречалось ни одной женщины, которая была бы от этой проблемы избавлена. Почему же русские женщины относятся к мужчинам как к людям второго сорта? Почему мужчины в нашем современном фольклоре или дети, или козлы? Когда это случилось с русским обществом, традиционно бывшим мужским и патриархальным? Есть у меня подозрение, что Первая мировая война, революция, раскулачивание, ГУЛАГ и вторая мировая сильно подкосили русский мужской генофонд. Целое поколение детей выросло без отцов. Живыми оставались немногие и не всегда самые лучшие. Не все могли служить примерами и образцами. И пропаганда, и школа, и матери, наверное, пытались создавать образ героя. Отца – воина, отца – пахаря, защитника отечества и режима, Героя. А нормальных ежедневных, повседневных образцов мужского поведения мальчикам дать было некому. Покалеченное поколение отвоевавших вряд ли могло служить таким образцом. За четыре года на фронте многие забывали, как жить на гражданке. Все возвращались совсем другими людьми и часто с трудом могли общаться с теми, кто там не был.

Вторая мировая война стала для России ударом ниже пояса, превратила страну из мужской патриархальной в женскую, точнее, бабскую, где «я и лошадь, я и бык, я и баба и мужик».

Воспитатели в детских садах, учителя в школах – кругом женщины, пытающиеся воспитывать из мальчиков мужчин, при этом сами росшие без отцов и не знающие, каким должен быть настоящий мужчина. Этот вид в России стал такой редкостью, что мало кому везло встретить больше, чем одного представителя вымирающего вида. Кому-то за всю жизнь не удалось встретить ни одного настоящего Мужчины в реальной жизни. А в литературе герои совсем другого толка. Кто в русской литературе настоящий мужик? Обломов? Базаров? Безухов? Или Печорин? Или Онегин? Молчу уже про Раскольниковых, Мармеладовых и Лужиных.

Где образцы поведения, применимые в повседневной жизни? Может в этом и проблема? Уже какое поколение воспитывается на героизме... Россия умеет показывать себя только в экстремальных условиях, поскольку в наших головах уйма образцов героизма и патернов поведения в нестандартных ситуациях. А как вести себя в нормальной жизни нас никто никогда не учил. И если у женщин это глубоко заложено природой – выжить, выкормить ребенка, создать безопасное и комфортное жилище – и все это передавалось из поколения в поколение от матери к дочери, то мужская преемственность была грубо прервана в начале 20 века и окончательно уничтожена в 45 году. Мужчины поколения наших отцов росли уже без отцов. После войны возвели в культ матерей-одиночек: ведь надо было кому-то восстанавливать генофонд, а здоровых самцов-производителей на всех не хватало так, чтобы каждой бабе по мужику. И с этого, я полагаю, началась окончательная деградация половой дифференциации ролей в нашей стране. Женщины, не желающие быть одни, поскольку хоть одиночное материнство и приветствовалось, статус женщины в обществе все еще во многом зависел от ее семейного статуса, терпели от покалеченных войной, тяжелым детством и женским воспитанием мужчин все: и измены, и пьянки, и побои. И мужчины чувствовали себя безнаказанными. А женщины, рожая и воспитывая мальчиков, вымещали на детях то, что не могли простить отсутствующим мужьям или отцам. Растили из них подкаблучников без собственной воли и мысли. А девочек готовили к борьбе, причем не за мужчину, и не на его стороне, а против него.

И что мне все это дает? Понимание того, что проблема уважения к мужчинам не сугубо моя личная? Что это проблема каждой второй (если не каждой) женщины в России? Отсюда такая статистика разводов. Отсюда нежелание чувствовать, что отношения могут быть на всю жизнь. Отсюда легкость встреч и расставаний. На 10 примеров распавшихся родительских семей моих друзей и знакомых дай Бог, если найдется хотя бы одна счастливая семейная пара.

Я собираю такие примеры и бережно храню в моей памяти. Но таких у меня всего 2. Третья была несчастна больным ребенком, и это их держало вместе. А из оставшихся двух, одни несколько лет назад напугали меня тем, что собрались разводиться. Он изменил ей на 25 году совместной жизни. Она не хотела прощать. Но смогла и простила. И они снова кажутся счастливой парой. При этом, я полагаю, что и тот единственный пример, что в моих глазах остался пока незапятнанным, таит в себе скрытые, не видимые взору внешнего наблюдателя дефекты. А может и нет. Может это действительно счастливая семья. По крайней мере, сын у них вырос на зависть хорошим мужчиной. Дети вообще самый точный показатель того, насколько здоровая атмосфера в семье.

Так о чем я? О том, что пока мне не ясно, как операция на памяти может помочь мне восстановить уважение к мужчинам. Ведь все это очень глубоко сидит в моей подкорке. Единственное, что можно сделать – удалить личные болезненные воспоминания и переживания, превратив все размышления об уважении к мужчинам из личных, пережитых и прочувствованных, в сугубо теоретические.

Вырезать из памяти вереницы выцветших спин, стоящих в очередь за пивом под окнами нашей квартиры на Первой речке. Я слишком отчетливо помню эту картинку. Воплощение убогости и бесхарактерности, безволя и слабости. Разных оттенков серые и коричневые болоньевые плащи, все одного фасона, авоськи, каких сейчас больше нет, с трехлитровыми банками. Сутулые спины и костлявые алкоголические плечи. Или, напротив, вываливающийся из штанов огромный живот. Все курят. Все ждут. Когда из заветного крана в их банку польется мутная, пенящаяся, воняющая мочой жижа, которую они называют пивом. Кое-кто стоит и пьет из складных стаканчиков прямо там же у кособокого круглого стола на одной ноге. «Готовые» отходят 10 метров, чтобы поссать на мое любимое дерево. Оно очень красиво выглядит из окна седьмого этажа. И я из вредности кидаю в них яйцом, но, к сожалению, не попадаю. Кричу: «Мужик!» – ноль эмоций. Опять: «Мужик!» – и снова тишина. И только когда я со злостью ору «Мужик-овца!» – он поднимает свое заплывшее лицо. «Не ссать здесь» – кричу я и понимаю, что меня слышит весь трехсотквартирный дом. И вся очередь. И весь детский сад, имеющий столь же счастливую возможность наблюдать «отцов у водопоя». Я сгораю от стыда. Не тот писун, что мочился на мое дерево, а я. Потому что «нельзя смотреть, когда дяди писают». Потому что «нельзя обзывать на взрослых». Потому что «кричать с балкона и из окна очень неприлично». Мне стыдно. Я в ярости. Я плачу. Я ненавижу этот пивной ларек. Меня тошнит от запаха того угла. Я никогда не подойду к своему любимому дереву, потому что оно прекрасно только с высоты седьмого этажа.

Вот такая картинка. Такие мужчины. Возможно, без нее в моей памяти мне станет жить легче.

Николай Иванович советовал вспоминать на каждую негативную картинку что-нибудь положительное или хотя бы нейтральное, чтобы замыкать нейронные цепочки на приятные воспоминания, связанные с тем же местом, чтобы не оставлять белых пятен в памяти.

Вот вам приятное воспоминание примерного того же периода, возраста и времени года о том же месте.

В теплую погоду к тому же ларьку привозили бочку с квасом. И тогда очередь преображалась неотразимо. Пацаны и девчонки стояли с бидонами, редко кто с банкой – только самые взрослые, поскольку донести ее было тяжелее – стояли в нестройной очереди, весело болтая, рисуя палочками на земле, играли в крестики-нолики. К кому-то подходили мамы. А я, помню, гордо стояла там с крестным. Вообще-то он мне троюродный брат. Он высокий и сильный. Внимательный. Всегда разговаривает со мной. Хотя нужно дать ушам привыкнуть: он заикается, когда волнуется. Мы стоим за квасом. И у меня литровый бидончик, а у него банка в авоське. И мы обсуждаем, как осенью поедem собирать лимонник. Как я, маленькая и худенькая, буду лазать по деревьям, он будет меня подсаживать высоко-высоко, а я обрывать лозу и кидать ему

вниз. А потом он будет меня ловить. И мы вместе будем готовить настой из ягод и сушить лозу, чтобы заваривать из нее чай. Андрей приезжал в гости регулярно и регулярно вывозил меня с собой в походы. Именно он, мне так кажется, в моем детстве воплощал образ настоящего мужчины. Большой, сильный, смелый, добрый, заботливый, внимательный. Все воспоминания, связанные с ним, всегда радостные. Так что замена картинки с выцветшими спинами на эту с Андреем должна что-то изменить в моем личном отношении к мужчинам в целом. К неизвестным абстрактным мужчинам как к классу.

Что же до личных воспоминаний про мужчин ближнего круга, то, вероятно, стоит начать с отца.

* * *

Лера читала этот эпизод, и на душе становилось все тоскливее и паршивее. Она легко вспомнила вид с балкона, и дерево, и ларек. Живо и ярко представила, как все описанное могло бы происходить. Она словно видела это своими глазами. Но сказать, было ли это наяву, невозможно. Чувство такое, словно ей все это только приснилось. Прочла и представила. И никакой гарантии, что это реально было. Хотя Андрея и очередь за квасом она помнит. Помнит и лимонник, и как собирала его.

Лера взялась вспоминать свое детство: ту самую двухкомнатную квартиру с балконом с видом на ларек. Вообще-то обычно она говорила: «с видом на море», ибо море тоже было видно с балкона, и на него она все-таки смотрела чаще. Вспомнила соседей. И то правда, все, все мужчины вокруг пили. Справа – Малаховы: она – продавщица, он – алкоголик, снизу – Кардаи: она – воспитатель, он – алкоголик, сверху – Степановы: она – инженер, он – алкоголик. Конечно, у всех этих мужчин были профессии и работы, но вечером они дружными рядами шли к ларьку за пивом. А соседки так и дружили, ближе к ночи разбирая своих мужей по домам. Лера вспомнила все это. Вырезать это из памяти, видимо, было невозможно – пришлось бы напроочь стереть все детство вообще.

Да никчемность мужской половины населения знакома ей была с детства. Тут сложно спорить с дневником. Но как-то же она нашла выход, раз все-таки влюбилась и вышла замуж за Стаса. Иначе зачем? Лера прекрасно помнила, что мамина позиция – «Лучше плохонький да наш», ее не устраивала никогда. Как-то, когда мама в очередной раз встречая на пороге пьяного после получки отца запричитала: «Нажрался, скотина, лыка не вяжет, зачем же ты мне такой сдался?» – Лера задала наивный и по-детски жестокий вопрос: «А действительно зачем?». – «Ну, у вас же должен быть отец, – смутившись ответила мать, – ну и потом, наш то хоть тихий: выпил и спать. А вон Кардай семью гоняет. Малахов – песни орет и на сторону ходит, Степанов вещи из дома таскает, пропивает». Так и росла Лера с пониманием, что отец – меньшее из возможных зол. Единственный, кого она смогла вспомнить трезвым, – это дядя Сережа Ходов – сосед слева, хирург. «Да и он, наверняка, после работы пьет, – говорили соседки. – Надо же ему как-то расслабляться». Но его пьяным Лера не видела ни разу.

Мама как-то сказала ей, что замуж выходить нужно за еврея – они не пьют, и Ходов тому пример. Маленькой Лере мысль понравилась, поскольку дядя Сережа был мужчиной вполне привлекательным. И жена его, тетя Соня, была красивой женщиной, ухоженной и интеллигентной и Лера бы с удовольствием стала на нее похожа. Было в тете Соне не похожее на соседей, непривычное детскому Лериному взгляду изящество женственности, сдержанности и достоинства. Видимо, так мама подсказала Лере выход. И Лера вышла. Вышла замуж за Стаса, мило картавящего «р» непьющего банкира, сына врача.

Лера просидела над тетрадью в задумчивости минут 20 и не заметила, как официант принес вторую чашку кофе. На углу стола на маленьком подносе, словно случайно оставленном, скромненько стояла пепельница и лежала пачка Vogue и зажигалка.

Что, самое время начать курить?

Лера подтянула поднос, посмотрела счет – 110 рублей за «курительный набор» и решила сделать это.

Официант все-таки дулика. Видит, что не все в порядке у меня. Пытается помочь, как умеет. И что, людям правда это помогает расслабиться?

Лера достала сигарету, повертела ее в руках. Тонкая, вполне изящная. Пахнет вроде тоже ничего. Лера таки решила ее зажечь. Она никогда раньше не курила. Хотя нет, лет в шесть они с соседкой пробовали курнуть длинные коричневые сигариллы, стащенные из папиной пачки. Обычно папа курил простые советские папиросы – Беломор или Астра – Лера точно не помнила. И поскольку их курили все мужики вокруг, интереса они не вызывали. Но тут из зарубежной командировки (боже, как же это было круто и престижно тогда) в КНР (ну, кажется, теперь не так круто) папа привез эти самые сигариллы. Что они так называются тогда никто не знал. Это сейчас в табачных киосках можно увидеть все разнообразие вариантов никотинового самоубийства. А тогда это было что-то совершенно невероятное и необычное. Все соседские курильщики пришли пробовать. Лера наблюдала, как на балконе мужчины затягивались дымом, делали умные лица и с видом знатоков отпускали комментарии вроде: «да... неплохо», «надо же крепкие, но мягкие» или «отличный табак, не то, что наш». Все это было непонятно, и Лера решила, что тоже хочет это попробовать во что бы то ни стало. Она уличила момент, когда пачка лежала на подоконнике и никто ее не видел, и стащила одну длинную табачную трубочку. Спрятала ее в кукольном домике до понедельника, когда взрослые будут на работе, а Ирина в школе во вторую смену.

После уроков она зашла к соседке Светке и позвала ее покурить. Как две заговорщицы они выбрались на балкон и сели на корточки, чтобы никто из соседей их не увидел. Долго чиркали спичками, пытаясь это чудо поджечь. Спички пришлось брать у Светки, поскольку у Леры в доме их как всегда не было. Отец пользовался зажигалкой и всегда носил ее с собой, а никому другому спички вроде как не были нужны. Лера вспомнила, как однажды в очередной отцовский запой мать причитала «Спичек в доме нет, потому что ты их всегда уносишь или теряешь. Вот свет отключат, даже свечку будет нечем зажечь!» И эта была сермяжная правда. В один прекрасный вечер, когда свет все-таки отключили, пришлось в крошечной темноте идти к соседям со свечкой, чтобы подожгли. Спичек в доме катастрофически не было никогда. А пьяный отец, регулярно забывая заправить свою зажигалку или оставляя ее в кабине, пасмурно бродил по квартире, монотонно повторяя вопрос: «Где же спички? Где мои спички? Нона, ты не видела спички?» Заунывная песня про спички была, по мнению мамы, самым страшным проявлением отцовского алкоголизма. Потом, уже взрослой, услышав анекдот про ад курильщика, Лера удивилась, как много смысла было для нее в фразе «были бы спички, был бы рай». В конце концов, отец научился прикуривать от электрической конфорки, но на это уходило полчаса, киловатты электроэнергии и куча денег в счетах за свет. Поэтому даже уже включив плиту, он не прекращал бродить в поисках спичек.

Но сейчас у девчонок спички были. Правда всего четыре в коробке и две из них уже были испорчены – погасли на ветру не успев разгореться. Лера решила не рисковать и зажечь третью спичку в комнате, чтобы не дуло, и там же закурить сигарету, а потом выйти на балкон. Света взяла сигариллу в зубы, Лера зажгла спичку, поднесла, краешек сигареты затлел, но дыма не было. «Вдыхай, надо вдыхать,» – учила Лера старшую подругу. И та вдохнула, закашлялась, сигарета упала на ковер. Но Лера была тверда, она же решила попробовать это во что бы ни стало. Так что Лера подняла сигариллу, вышла с ней на балкон и затянулась сама. Боже, что с ней было! Горький, горячий, вонючий дым драл горло и нос, из глаз текли слезы и бронхи

разрывало кашлем. Сигарета полетела с балкона вниз и девчонки решили, что никогда не будут курить – ну их к черту эти мужские привычки.

Но сейчас Лера сидела с тонкой белой сигаретой в руках и была уверена, что качество ее уж точно лучше, чем у тех советско-корейских сигарилл, которые отец в итоге прозвал «носки Мао дзе Дуна» за то, что одежда от них приобретала неприятный и непривычный запах, отличный от беломора и астры.

Да и смол и никотина здесь явно меньше...

Она чиркнула зажигалкой, затянулась и вопреки ожиданиям не раскашлялась. Ментол охлаждал горло и скрывал табачную вонь. Лера почувствовала, как голова тяжелеет, в ногах появляется вата и мысли притормаживают свой бег. Почему-то это ощущение показалось ей знакомым. Она затянулась еще и увидела, что рука ее держит сигарету уверенно, легко и изящно, словно уже давно знакома с ней.

Что ж... Может и это стерто из памяти? Но зачем? Как это связано с проблемой ревности Стаса, и отношений с мужчинами и к мужчинам? А вообще любопытно, мне обещали рассказ о моей немонашеской жизни, а начали с неуважения к мужчинам и детских травм. Ладно, читаем дальше...

* * *

Случай первый. Возвращение

Мы возвращаемся, по-моему, из Питера. Там в больнице им. Бехтерева на лечение осталась моя сестра. Как мы добрались от аэропорта до города я не помню, но почему-то доехали мы не до дома и даже не до остановки Первая Речка, где стоял наш дом, а до Некрасовской, и мама тащила два тяжелых чемодана сначала по темному двору строящейся гимназии, потом мимо раскрытых ртов ночных подъездов длинного смежного дома. Нас не встретили. Она не могла утащить два чемодана сразу, не могла нести их без передышки. Моя маленькая измученная мама перетаскивала неподъемную ношу небольшими перебежками. Брала одну сумку, оставляя меня сидеть на другой, и шла сколько хватало сил. Потом возвращалась, зовя меня перейти на охрану только что перенесенного чемодана, и так раз за разом. Периодически нас разделяли углы зданий, и, когда она скрывалась за поворотом, я чувствовала дикий страх. Помню: пыталась сдвинуть сумку с места, чтобы приблизиться хоть чуть-чуть, и от усилий и обиды наворачивались слезы. Мама увидела, успокоила. Скоро будем дома, там папа... ты же соскучилась по папе? О, да! Я соскучилась. Я уже почти не помнила, как он выглядит. Зато хорошо помнила дом, балкон, большую двуспальную кровать, которую я занимала с мамой, высокий шкаф, на котором так хорошо было играть. Я хочу домой. Очень.

И вот мы уже зашли в подъезд. Мама отправляет меня за папой. Лифт не работает. У нее уже не хватит сил затащить вещи на седьмой этаж. Я бегу по ступенькам в шубке и шапке. Запыхалась. Не дотягиваюсь до звонка и начинаю стучать. Никто не открывает. Я все сучу и стучу, и не понимаю, почему же так долго. Слышно уже как мама сама поднимает чемоданы где-то на четвертом этаже. А дверь все заперта. Наконец-то... Шаги в длинной прихожей... Кто там? Я! Я! – кричу. Но замок не спешит открываться. Медленная долгая возня... шелк... и на меня смотрят удивленные не узнающие меня глаза. Честно, не помню, как он был одет, был ли небрит и был ли пьян. Мама потом говорила – был. Только пока он открыл дверь, она уже почти донесла чемоданы. Он не узнал меня. Отец не узнал меня... Что было дальше не помню. Как они разбирались с мамой. Как выясняли, почему он нас не встретил и вообще не ждал. Ведь он даже не понял, что за ребенок кричал ему «Я! Я!», пока не увидел маму.

Да... Я бы, наверное, тоже удалила такое из памяти... Ведь это практически предательство. Как после такого верить людям? Родной отец не узнал и не через 20 лет, а через месяц.

Лера страхнула пепел – сигарета дотлела практически без затяжек. Все, что она сама помнила об отце, было вполне приятными воспоминаниями. Она помнила его худым и носатым. Больше всего ей нравился его нос – такой прямой, узкий, правильный, длинный. Его никак нельзя было назвать носатым в привычном смысле этого слова, но нос был примечательной частью его лица. Идеальной. Вообще все считали его красивым, и Лера, глядя на его фотографии в молодости тоже считала, что он был очень хорош собой. Самый близкий образ – актер Лановой – такие же брови и глаза, но у отца был более четкий подбородок и красиво очерченные губы. Именно их и еще овал лица Лера унаследовала от отца. Да и фигура у нее была явно не мамина. Мама то совсем маленькая – 143 см всего ростом и кругленькая и лицом и формами. Отец же, напротив, высокий, худой, с удлинненным лицом.

Еще с детства Леру мучил вопрос, как они целовались и вообще... при разнице в росте в 54 см? Т.е. фактически отец был на треть выше. Буквально. Их совместные фотографии в основном скрывали разницу благодаря ступенькам, стульчикам, скамеечкам. Только на официальном фото из ЗАГСА, где они стоят рядом без всяких уловок, видно было, что мама даже

на каблуках папе ровно по грудь. Этакие Штепсель и Тарапунька. Что они нашли друг в друге? Как сошлись?

Лера задумалась... Кофе на дне чашки уже остыл, пить третью кружку не хотелось... Во рту все-таки образовался гадкий привкус даже после одной затяжки ментоловым чудом, и она решила смыть его чаем с чем-нибудь сладким. Сладкое вообще было ее слабостью в последние годы. Слава богу на фигуре это пока никак не отражалось – хороший тренер, бассейн и процедуры поддерживали ее тело в прекрасной форме. Итак, можно заказать любимый десерт – благо в этой кафешке его готовят не хуже, чем она сама. Тирамису дался ей не с первого раза, да и маскарпоне для этого чуда нужно было выбирать осторожно, зная производителя – неправильный сыр – и вся затея потечет и закончит свое существование в унитазе. Здесь Тирамису делали правильно, воздушно, сырно и не чересчур сладко.

В ожидании заказа Лера снова вернулась к тетради.

Образ отца

Прочитав Николаю Ивановичу свой первый случай, я поняла, что начала описание не с того. Николай Иванович попросил меня сделать подробное описание образа отца, их взаимоотношений с матерью и подкрепить это примерами.

Умный человек этот Николай Иванович. Так я и поступлю.

Сейчас, когда я пишу эти воспоминания, отец, Александр Федорович Ковальчук, уже умер. Много лет, как умер. Ему было всего 48 лет, когда разрыв селезенки – гроза алкоголиков – застал его на чужой кухне в городе Артем. Мы с мамой узнали об этом только через полгода. Он к этому времени уже жил один и я, тринадцати, четырнадцати, пятнадцатилетняя соплячка пыталась его общение с матерью ограничивать. Они приняли решение о разводе, когда я была в пионерском лагере. Точнее тогда они приняли решение разъезжаться и нашли вариант размена. Развелись они еще до моего рождения и жили вместе сначала потому, что нужно было получить квартиру, потом вроде как помирились, но второй раз в ЗАГС не пошли. Так что лет в десять я получила шок, обнаружив в пачке старых документов свидетельство об усыновлении меня любимой родным папашей. Но этот шок, мне кажется, скорее положительным, так что удалять это воспоминание не надо, вдруг уже после чистки памяти найду свидетельство опять, а вопросы задать будет некому.

Ну, так они и жили вместе с двумя детьми. Потом потеряли дочь, а потом я стала требовать отделения. Отец не хотел разъезжаться – видимо понимал, что без семьи ему будет совсем плохо. Но мать, все-таки настояла (и я всячески ее к этому подбивала, хоть и была всего тринадцати лет от роду). Я помню, как по-взрослому рассказывала маме о том, что беречь брак с алкоголиком ради детей нет смысла. Ведь одно ребенка они уже потеряли и это он, он виноват, его алкоголические гены, что мы такие больные и нервные.

Тут вспоминается история, которую я использовала, чтобы подкрепить мамнины обвинения в отцовский адрес по поводу наших проблем со здоровьем.

История, рассказанная мамой

Я время, описанное в ней, конечно, не помню, но история глубоко сидит в моей памяти и сильно подрывает веру в себя, в то, что я заслуживаю любви. Ее удалить надо. Словно я и не слышала ее никогда.

Мне 13. Мы только обосновываемся на новом месте. Я пытаюсь вписаться в дворовый коллектив, если так можно назвать шайку разновозрастных пацанов и три девчонки примерно моего возраста. С девчонками я в основном тушу у них дома, т.к. там есть хотя бы где посидеть – у нас с мамой нет пока даже дивана. А с пацанами лажу по сопкам и стройплощадкам вокруг. И с пацанами мне пока интереснее. А они курят. И вот однажды попробовав покурить – на этот раз, прекрасно помня детский пример, я не затягивалась, а сразу выдувала дым обратно – я пришла домой сильно пахнувшая табаком и моя мама решила провести нравоучения в пугательной такой форме. Она поведала мне страшную тайну о том, почему же я до двух лет умудрилась семь раз переболеть пневмонией (или до семи лет два раза???). Ну не факт. В моей голове застрял первый вариант. Так вот, оказывается, что при мне новорожденной, причем сильно недоношенной, маленькой (2,5 кг) и слабенькой родной папаша не переставая курил в квартире. И чтобы дым не сильно мучил детей (а помимо меня там же была восьмилетняя сестренка) окна в доме всегда были открыты настежь. И я простывала. И кашляла, и болела. По маминой задумке, эта история должна была показать мне, что курение не только плохо для курильщика, но и вредно для всех вокруг и я сама от него пострадала с самого детства. Но какой вывод сделал мой подростковый мозг? – Отец не любил меня и не заботился обо мне. Он любил только свой табак и чуть не убил меня своим поведением. Думаете после этого я больше не хотела притрагиваться к сигаретам? Наоборот. Если мой родной отец готов был убить меня этим дымом, то почему мне нельзя? Я всего лишь закончу начатое. Так что в 13 лет я все лето курила не в затяг. Реально задуматься о вреде курения меня заставил папин двоюродный брат. Мама специально, я полагаю, повела меня провести его в больнице, где он лежал после четвертой операции на легких. Вот это зрелище отбило всякую охоту к медленному самоубийству. Ибо это оказалось не только медленно, но еще и очень очень некрасиво под конец.

* * *

Лера посмотрела на пепельницу. Она уже была пуста. Официант заботливо унес дотлевший окурок. Она вспомнила, как посещала дядю Сашу (дядю звали также как отца) и какое угнетающее впечатление произвел на нее серый оттенок кожи, желтые зубы, серо-красные белки глаз, а главное полная неспособность молодого еще мужчины. Он показался ей стариком, а был моложе отца на 2 года. Отец, правда, тоже дымил как паровоз, но, видимо, был более везучим и саркомы легких не схлопотал.

Ну, вас, с вашим ментоловым Вогом.

Лера скомкала пачку и бросила ее в пустую пепельницу. Движение и ощущение показались знакомыми и наполненными какой-то внутренней силой. Словно решимость выбросить 100 рублей (ну, допустим, 10 она уже скурила) могла что-то значить.

* * *

НВ для Николая Ивановича: историю с дядей я бы хотела оставить как собственное нравоучение, а вот историю, рассказанную мамой, и все связанные с ней эмоции, хотела бы удалить. Считаю незачем мне чувствовать себя столь ущербной и нелюбимой и жить с мыслью, что отцу было наплевать на мое здоровье. Ведь, наверное, это не совсем правда. Я, надеюсь.

А положительная история такого же толка следующая. После очередного скандала с непусканием отца в нашу с мамой уже отдельную квартиру у нас состоялся разговор, в кото-

ром мама пыталась выяснить, за что же я так зла на родного отца. Простое объяснение – он предпочел нам водку – маме казалось недостаточным. Тогда я припомнила ей историю про дым и пневмонию, и вообще про мое слабое здоровье и сказала, что считаю, что его алкоголизм – виной всему. Что не может быть от пьющего мужа здоровых детей. А дети, зачатые спьяну вообще обречены на плачевную судьбу. Обвинение, как видно, было и в сторону мамы. «Глупенькая. С чего это ты взяла, что была зачата по пьянке? Саша очень хотел второго ребенка, уговаривал меня, и даже бросил пить, чтобы привести организм в порядок. Он девять месяцев не пил, прежде, чем я согласилась забеременеть. Так что тут тебе обвинить нас не в чем. Он так хотел тебя, что продержался целый год без алкоголя. И только когда узнал, что беременность идет хорошо и у меня в животе растет здоровый ребенок, пошел и на радостях отметил это так, что сорвался с пути трезвости. Но он очень радовался тебе. И очень хотел тебя. Ни до, ни после этого он не смог больше продержаться без выпивки и полугода». Не знаю уж, насколько это история положительная, но она добавляет мне уверенности в себе, так что ее оставляем.

Да, я эту историю помню. Но она всегда вызывала у меня удивление. Я же не помню, чтобы папа сильно пил. Нет у меня такого впечатления от моего детства. Так что и ценность истории сnivelировалась. Теперь, кажется, понятно, почему.

Лера получила десерт. Запустила ложку в нежный сырный крем, понюхала в чем вымачивали бисквит – вполне себе приличный алкоголь с приятным запахом – положила это чудо в рот и тут же расслабилась, почувствовав знакомый вкус, наполненный самыми приятными ассоциациями. Этот десерт олицетворял для нее роскошь и изобилие, романтические свидания и страстные вечера. Но как только глаза открылись, наслаждение улетучилось: перед ней лежала раскрытая тетрадь, опровергавшая всю ее жизнь за последние девять лет, да и задолго до, раз воспоминания вырезаны.

Бог ты мой... И как мне теперь с этим жить? Как принять тот факт, что я сама сделала с собой такое – лишила себя памяти? Из благих побуждений, конечно, и, кажется с вполне положительным эффектом, но все же... Я уже верю, что это про меня, что это была моя жизнь. Эх... Придется таки дочитать.

Так вот, возвращаясь к образу отца и переезду. Варианты обмена они смотрели, пока я месяц отдыхала в пионерском лагере, и, естественно, моего мнения никто не спросил. В итоге в обмен на нашу двухкомнатную квартиру с большим коридором и балконом с видом на море практически в центре города мы получили две однокомнатные квартиры у черта на куличках.

Это были две однушки в соседних панельных домах, стоявших так на отшибе и далеко от центра, что для меня это было равнозначно переезду в другой город. Город и правда оттуда выглядел совсем другим. Я была и рада, и зла. Рада, что мы, наконец, не живем с отцом алкоголиком – мне тогда казалось, что лучше уж никакой, чем такой. И зла, что он по-прежнему слишком близко и, гуляя с собакой, я не могу не посмотреть на его окна.

Мы с мамой поселились в новой квартире на первом этаже, но с огромной лоджией и довольно большой комнатой замысловатой конфигурации. Всю мебель и телевизор мама отдала отцу под предлогом того, что не хочет тащить в новую жизнь ничего из того, что напоминает ей о старой. Сейчас я думаю, что она его просто пожалела, понимая, что при его алкоголизме новых вещей он себе купить не сможет. А в себя она верила.

Так вот однажды, я решила посетить новое жилище отца – благо соседний дом – и оно понравилось мне значительно больше нашей пустой мрачной квартиры. В нем было больше света, т.к. четвертый этаж с окнами на юг, а не первый с видом на опорную стену. В нем стояла знакомая мебель и телевизор. И тогда я поняла, что, наверное, захочу приходить сюда, когда будут проблемы с мамой. А они уже начались. Мне было 13 ей- 43: у обеих переходный возраст.

Первый год после развода был очень тяжелым, но об этом я буду писать позже, когда решу, что некоторые воспоминания, связанные с матерью, тоже бы не мешало убрать из памяти. А пока отец...

Он пытался заходить в гости, поддерживать контакт. И мать регулярно пускала его и кормила. Я же бесилась. Если была дома, то выставляла его вон, если открывала дверь – то не пускала на порог. Я была на него зла. Очень зла тогда. И основная претензия звучала так: он бросил нас ради выпивки. Ведь единственным условием, которое поставила ему мама, была трезвость. «Или ты бросаешь пить, или мы разъезжаемся». Она даже предлагала ему закодироваться, чтобы не пить, но он принципиально был против этой процедуры – посмотрелся на срывающихся дружков, у которых начинались после этого серьезные проблемы с головой, а в то, что он не сорвется, он, видимо, не очень-то верил. Пить он так и не бросил. Значит, ценил нас меньше, чем беспамятство. Значит, любил водку больше, чем нас. А раз так, то пусть с ней и остается. А мы ему не нужны. Добавьте к этому эмоциональную нестабильность подростка, и вы поймете, почему я хлопала дверью перед его носом. И кричала на мать, когда она его подкармливала...

А потом он попал на деньги: въехал выпившим на рабочем грузовике в дорогую иномарку. И нет работы, нет денег, есть долг и девьяностые годы. В итоге он обменял свою квартиру на однушку в захолустье – городе Артеме в 40 км от Владивостока – на почти недостижимом расстоянии от нас. И перестал приходить. Последний раз я его видела, когда он приехал поздравить нас с новым годом. Наступал 1995. Выглядел он ужасно. Сильно постарел – алкоголь никого не щадит – исхудал до неприличия. И если раньше все считали его красивым – да он и был таким раньше – то сейчас он был жалок. Настолько жалок, что я даже не решилась его выгнать. Да ему и некуда было идти. Он сдал квартиру кому-то на новогодние праздники и попросился к нам на постой. Я была против, но мама пустила. Я же 1 января ушла, чтобы продолжить праздновать с друзьями. Помню, как мне хотелось тогда встряхнуть его, или больно ударить, или сделать что-то еще, чтобы он увидел, понял, что он с собой сделал и во что превратился. Мне было стыдно, что он мой отец. Мне было жалко и обидно, и я бежала. Не так уж мне нужны были эти друзья тогда – я просто не могла на него смотреть. Точное попадание в выражение «без слез не взглянешь».

А потом он уехал. И больше мы его не видели. Через полтора года маме пришло письмо из домоуправления города Артем, о том, что ее бывший муж умер полгода назад, а квартира должна перейти мне, как единственной наследнице.

Полгода добрая женщина из домоуправления потратила на то, чтобы выяснить личность умершего – ведь он был на чужой кухне без документов, собутыльник не знал ни фамилии, ни адреса. В итоге только придя в квартиру, за которую была почти годовая задолженность по оплате, она смогла сложить дважды два. Нашла какую-то старую мамину грамоту и по ней догадалась, что он был женат, а дальше уже паспортный стол выдал информацию и обо мне.

Такой вот образ...

* * *

Ну, здравствуй, папа...

Лера вдруг ощутила горечь от того, что забыла половину, если не большую часть своих отношений с отцом. Она не могла поверить в то, что была способна выставлять его за дверь и вообще навязывать кому бы то ни было свою волю. Лера помнила отца. Его спокойные серые глаза, красивое лицо, худощавую фигуру. И сейчас сидя в кафе и читая странную тетрадь не испытывала никаких негативных чувств к нему. Скорее, она его даже любила. Лера вспомнила, как однажды он принес ей из поездки котенка. Обычного такого котеночка серополосатой расцветки, пушистенького и кругленького, на вид совсем дворового. Боже, как она радова-

лась. Ей всегда хотелось иметь животное, но мама была против. А тут отцу не сказала ничего, но начала активную кампанию по поиску того, кому бы этого котенка отдать. Одна из соседок – кошатница, готовая взять его, но не получившая ответов по поводу пола и возраста, пришла на него посмотреть. Всплеснула руками – Батюшки мои! – и стала судорожно тараторить: где же вы такое чудо взяли? Как же вы теперь с ним? Его же надо в зоопарк... Хотя кто же его возьмет... А обратно? Можно его обратно отвезти? Хотя да... Нет... Мать с вашим запахом его загрызет... Ну, придется вам самим... И ушла. Мать побежала за ней и только на лестничной клетке сумела добиться вразумительного ответа. Оказывается котенок этот по виду и размеру двух-трех месяцев был еще слепым. Не было ему и двух недель и принадлежал он к виду не обычных дворовых кошек, а был рожден в семействе камышовых котов. Разволновалась она так, потому что коты эти большая редкость и чуть ли не из красной книги, а потому сдать его властям без штрафа или не дай Бог срока, не удастся, а держать его дома опасно – все-таки хищник. А если мы его просто на улицу выставим, она сама, сама нас милиции сдаст. Такая сердобольная тетушка.

Мама, конечно, расстроилась и попыталась убедить отца избавиться от зверя, но мы с сестренкой решили, что сможем его вырастить и воспитать. И кот остался. Назвали его простым кошачьим именем Васька, Базелевс то есть, и кормили рыбой. Выросла животина в 8 килограммов. Это вам не обычная кошечка в 3 кг. Это тварь, занимающая весь диван, и спокойно заглядывающая на стол с задних лап. При этом по виду совершенно обычный кот. Только большой. Очень большой.

Лера вспомнила, как они хвастались и гордились, с кем же кот сегодня спал. Как она любила, стоя в очереди за рыбой для него, всем рассказывать, насколько привередлив их кот и что он ест только два вида рыбы: камбалу и кильку. Может еще сожрать мяса кусок, а вот молока не пьет и к человеческой еде не прикасается. Нравилось ей хвастаться и тем, что Васька для природных нужд использует унитаз и умеет даже смывать за собой, хоть и не всегда.

Вспоминая все это, Лера видела картинки из детства и была почти счастлива. То, что осталось в памяти, было приятно, успокаивающе, ободряюще.

*И зачем я читаю эту тетрадь? Хочу избавиться от иллюзий? А зачем?
Разве это плохо, верить, что у тебя было счастливое детство?*

Лера отложила тетрадь и посмотрела вокруг. В кафе начинался вечерний час пик. Парочки встречались здесь после работы, чтобы за чашкой кофе или чего еще вместе провести вечер. Женщины приходили сюда, чтобы поболтать и побаловать себя изысканными сладостями. Женщины были и компаниями, и по одной, как и Лера. Одиноких мужчин практически не было, да и мужских компаний тоже. Они, видимо, предпочитали заведения, специализирующиеся на пиве и спорте. За столиком у окна сидел единственный на весь зал мужчина без спутницы. Но и он явно ждал ее появления, ибо внимательно смотрел в окно и придерживал на диване рядом с собой одинокую красную розу, завернутую в целлофан.

Лера стала вглядываться в лица женщин, пытаясь найти в них то, о чем читала в тетради.

Неужели все эти женщины презирают мужчин? Как же тогда они живут? Как создают семьи? Или тупо обманывают себя надеждой, что все не так плохо и именно их мужчины особенные и лучшие всех? Или жизненный опыт их намного светлей и приятней?

Лера пыталась найти в себе то неуважение к мужчинам, от которого хозяйка тетради хотела избавиться удалением памяти. Не нашла. Похоже, избавление прошло удачно.

Нет, я верю, что имея такое детство, я вряд ли бы выросла в такую прекрасную жену, как сейчас, вряд ли бы смогла доверять мужу и посвятить себя ему. Да вообще, наверное, вряд ли бы захотела замуж.

Но ведь она то захотела, та, что писала тетрадь. Ведь влюбилась же настолько, что согласилась на эксперимент. Как это? Как ей это удалось? Что я пропустила?

Лера снова взяла тетрадь.

Еще одна жуткая история из детства. Драка

Мне пять лет. Я сплю в постели с мамой в малюсенькой комнате, называемой спальней, так как ее почти всю занимает огромная двуспальный кровать. Не знаю, использовалась ли она когда-нибудь как супружеское ложе, но мной воспринималась как законное спальное место. Сестра же спала в зале на диване. Там же на втором диване спал обычно отец. Я просыпаюсь от странного шума: возня, вскрики и топот. Мамы нет. Пусты и кровать, и спальня. Кто-то шуршит на кухне, но не слышно ящиков и посуды, а какой-то нечленораздельный грохот. Мне страшно. Мне страшно. Я не понимаю, что происходит, я встаю и аккуратно выглядываю за дверь. На кухне горит свет и все происходит там. Хотя нет. Кто-то уже включает воду в ванной. А на балконе, кажется, курит отец. Все уже закончилось. А что было? Я подбираюсь потихоньку к кухне. В ярком свете на белом кафеле видны бурые кровавые следы, мазки и пальцы. На полу тоже пара капель. Кусок плитки откололся на углу. Стол перевернут и самовар кипит. И никого. Никого, чтобы объяснить мне, что здесь было, успокоить, обнять. Страх и жуткий холод, хотя в квартире было тепло. Я стучусь в ванную – Мама!!! – Иди спать, Лерочка, я сейчас приду. Иду до зала. Балконная дверь открыта и в свете луны видно силуэт отца. Он в одних трусах курит, глядя ровно перед собой. Он не видит и не слышит меня. На темени что-то неестественное: спекшиеся в крови волосы или растущий бесовский рог? Мне страшно. И жутко жалко его. Он там такой несчастный и одинокий. Я не решаюсь подойти, иду обратно в кровать и с головой закрываюсь под одеяло.

Лишь много лет спустя, уже после смерти сестры, мать рассказала мне, что в ту ночь Саша и Ира подрались. Он, пьяный мужик 37 лет и она, подросток тринадцати, не поделили телеканалы и не смогли договориться. Ира забрала пульт и унесла его на кухню, где хотела попить чаю, пока закончится то, что смотрел отец. Но уходя, из вредности, таки переключила телеканал, чтобы он встал с дивана и вернул его кнопками на телевизоре. Но пьяный отец не подумал о такой возможности и пошел за ней отбирать пульт. На кухне они подрались и оба хорошенько приложились головами. А через пару месяцев с сестрой случился первый приступ эпилепсии.

Вот такая история, которую очень хочется забыть. Хочется проснуться и не знать, что отец с сестрой когда-то дрались, что оба стукнулись головами и что, возможно, этот удар стал спусковым механизмом, запустившим болезнь в нервную систему сестры, болезнь в итоге убившую ее.

Но чтобы не было так грустно – спасибо Николаю Ивановичу за совет – попытаюсь тут же записать какую-нибудь приятную историю. Помогает пережить сложный период выкладки неприятных воспоминаний на бумагу.

Итак, приятное про кухню, папу и вообще. Мне семь. Я сплю одна в большой кровати, т.к. мама снова уехала с сестрой в Ленинград. На этот раз без меня, ибо мне нужно было ходить в школу. Я просыпаюсь и вижу свет в щели под дверью. Тихонько выбираюсь на кухню, а там отец. – Разбудил? Извини. Нечаянно нож упал. – Он готовит. – Что-то я проголодался. Яичницы хочешь? – О да, я хотела. Она прекрасно пахла. Мама считала, что яйца есть можно не слишком часто, а уж яичницу с луком и колбасой детям не готовила никогда. Тем более ночью. И эта была самая вкусная яичница. И в ту ночь я чувствовала себя любимой дочкой. Именно тогда мне казалось, что мы семья.

Что еще можно рассказать про папу? Наверняка, что-нибудь еще вспомнится. А пока вернусь к теме их взаимоотношений с мамой.

Я никогда не спрашивала отца, почему он женился на маме. В детстве мне казалось очевидным, что любой, кто знает мою маму, захочет на ней жениться. А потом отношения уже были не такими, чтобы задавать подобные вопросы отцу. А вот маму я с детства спрашивала, почему же она вышла замуж за алкоголика. Ведь еще до свадьбы знала, что Саша выпивает неслабо.

– Почему же ты выбрала именно папу?

– Чтобы дети были красивыми, и это у меня получилось.

Я и правда считаю, что сочетание их генов дало прекрасный результат, но я никогда не могла понять, стоило ли оно того. Их брак был браком неравенства. Не только в росте. Мама была очень образована, всегда хорошо училась и трудилась ударно. Окончила ДВГУ, стала юристом и успешно работала головой. Отец же отучился только ПТУ, но при этом зарабатывал в два раза больше и выглядел интеллигентным благодаря утонченной аристократической внешности. Мать – очень общительная и трудолюбивая. Он – молчалив и ленив. Что держало их вместе до сих пор остается загадкой. Хотя мама, как она говорит, вероятно, все же любила его. Любила за красивые глаза.

Красота, как решающий фактор выбора партнера, обычно используется мужчинами: именно им, вроде как, должно быть свойственно желание переспать с красивой женщиной. Однако, если для мужчины красота = сексуальная привлекательность и все ее функции этим ограничиваются, то для женщин, выбирающих себе в мужа красавцев, это, скорее всего, продиктовано заботой о потомстве.

Фу, как заумно написала... А всего лишь хотела сказать, что ответ мамы очень впечатлил меня в детстве. Она вышла замуж за красивого алкоголика только для того, чтобы родить от него красивых детей. И родила. Чего греха таить, мы с сестренкой получились довольно хорошенькими, только вот здоровье у обеих подкачалось... А чего вы хотели от алкоголика? Хотели красоты – получили. Здоровья не заказывали.

Все детство я провела в больницах, но об этом позже. А пока о семейных отношениях... Мамина мотивация навсегда отбила у меня желание связываться со смазливymi парнями. Я просто не могла воспринимать их серьезно. И в их серьезность не верила. Задачи родить красивое потомство я перед собой никогда не ставила. Да мне для этого, благодаря мамину выбору, в общем-то и не нужен красавчик. Достаточно просто не урод. Все остальное мои гены вытянут.

Однако став постарше я поняла мамину мотивацию: на собственном примере уяснила, что внешне привлекательным людям, с детства привыкшим слышать, какие они хорошенькие, да какие у них глазки, или губки, или носик, живется значительно легче. Они больше уверены в себе, легче находят подход к людям. Только с красотой, как и с богатством, есть определенная черта, за которой они уже, напротив, усложняют жизнь и обременяют душу. Как чрезмерно богатый, но не слишком уверенный в других своих достоинствах мужчина, перестает верить, что его любят за его личность, а не за банковский счет, так и слишком красивая женщина, не получающая достаточно подтверждений своего ума или таланта, теряет уверенность в собственной ценности без своей внешности и обретает жуткий страх старости или потери формы.

Так вот в моей комбинации родительских генов получилась именно та красота, с которой легко. За что я благодарна родителям. И матери за выбор, и отцу. Ведь ему с его внешностью, полагаю, было сложнее. Нелегко, наверное, жить с осознанием того, что самое ценное, что видела в нем его жена – это те три грамма спермы, что позволили ей родить двух красивых дочерей. Сдается мне, для мужчины осознание того, что его любят только за то, что им можно любоваться, еще сложнее, чем для женщины.

Почему для женщины это должно быть сложно?

Лера оторвалась от тетради. Она вспомнила, как на заре их отношений со Стасом, в первые месяцы брака, он каждый день говорил ей, как она прекрасна. Как приходя с работы, с порога заявлял: «Я так рад, что ты не похожа на других домохозяек. Ты как образцовая жена ждешь меня не только с ужином, но и во всей красе». Лера и вправду считала себя образцовой женой. Никогда не носила халатов и презирала старые футболки и джинсы для ношения дома. Уборку делала в мягких удобных штанах, которые не грех летом и на улице носить, а к приходу мужа переодевалась в сексуальные платья. Благо их в ее гардеробе было много – она их шила сама. И поскольку от работы в офисе ее муж оградил, он и стал основной аудиторией ее показов моды.

Зазвонил телефон. Лера машинально взяла трубку и тут же пожалела.

– Ты где?

Голос Стаса звучал не столько обеспокоенно, сколько устало и зло... Он словно шипел, сдерживая гнев. Лера опешила. Просто повесила трубку, не сказав ни слова.

Гнев... Она не могла вспомнить, чтобы хоть раз видела его проявления живьем. В кино, конечно, да. И в книжках она читала об этом, но там, наверное, другое. Сама она никогда не испытывала гнева и ни разу не видела, как он проявляется у нормальных, обычных людей, т.е. не в кино. А вот сейчас – здравствуйте-пожалуйста. Она словно ощутила удар сухим раскаленным и очень тяжелым маревом. И ее охватил ужас. Буквально панический страх сковал горло, сдавил грудь, зашумел в ушах и до тошноты придавил живот. Она подскочила и побежала в уборную.

Неожиданно для самой себя проблевалась без мучительных долгих потуг. Тирамису еще даже не тронутый желудочным соком противной гущей стекал по унитазу.

...Чего это я? Только не говорите мне, что я беременна. Это сейчас будет совсем некстати. Хотя... Нет, только не с таким токсикозом... Нет, не может быть...

И Лера стала считать, действительно может ли? Не может. Стас не прикасался к ней в этом лунном цикле. По ее подсчетам овуляция должна была быть только через три дня.

...Все равно нужно будет позвонить Свирнову, записаться на осмотр и УЗИ.

Своего гинеколога Лера посещала с завидной регулярностью. Когда семь лет назад они пытались завести детей, она прошла полное обследование, никаких патологий выявлено не было, но забеременеть не получалось никак. Свирнов предложил ЭКО и они в принципе могли себе это позволить, но решили подождать и попробовать обычным путем еще. А потом как-то постепенно тема детей сошла на нет, но Лера по-прежнему не предохранялась, так что вероятность, хоть и ничтожно малая с учетом недавней менструации, все же была. Лера знала, что в ее роду у женщин случались кровяные выделения, очень похожие на менструации, на первых месяцах беременности. К Свирнову она ходила как минимум раз в полгода на профилактические осмотры. До следующего раза оставалось еще несколько месяцев, но ждать не имело смысла.

Ладно. Завтра утром позвоню. Утром... А где же я проведу ночь? Я же не могу ехать домой. Никак не могу. Но и тут сидеть до утра тоже не получится.

Лера намочила ладонь и обтерла щеки и лоб холодной водой, прополоскала рот и вернулась в зал.

– Воды с лимоном и счет, пожалуйста.

Она сидела и приходила в себя. Пыталась понять, что же произошло только что. Страх, панический ужас и оцепенение, охватившие ее при звуке голоса любимого мужчины, удивили ее не меньше, чем найденная коробка. И какие-то странные картинки, как обрывки снов, мелькали в ее голове. Почему-то ей привиделся Стас, совсем еще молодой, в какой-то странной квартире на диване. Словно они вместе смотрели кино. На экране трое парней в странных белых костюмах с шляпами насиловали девушку. Стас вскочил и побежал блевать. Его трясло. Она выключила фильм.

Лера не помнила Стаса таким молодым, никогда не была на том диване, что всплыл в ее мозгу, да и не представляла, чтобы в фильмах показывали такое. Откуда взялась эта картинка? Что я сплю наяву? Ощущение было такое, что она когда-то видела похожий сон, потом сон забылся и вот он всплывал в голове.

Официант принес воды, но лимон, душка, в нее не выдавил, а положил рядом на блюдечке. Лера взяла восьмушку лимона и пальцами выдавила ее всю. Потом еще восьмушку и еще, пока в стакане воды не оказалась вся половина лимона. Напиток вышел кислоющим, зато быстро приводил в чувства. Уже на втором глотке начал прорисовываться план.

Оставаться тут нельзя. И закрываются они скоро, да и Стас легко может догадаться, где я, и приехать.

Не успела она так подумать, как увидела красный Pathfinder. Не узнать машину было невозможно с ее тонированными в красный металлик окнами и росписью под хохлому. Это так он в свое время приколотся, собираясь ехать с этой машиной в Японию, как со своим самоваром.

Лера, так и не дождавшись счета, резко достала кошелек, положила пару бумажек на стол – должно хватить – и побежала к машине. По ее подсчетам у нее было еще три минуты, пока Стас доедет до разворота и окажется на ее стороне дороги.

Она не хотела встречаться с ним. Страшно не хотела. Потому прыгнула в машину и просто поехала вперед, пока не представляя, куда же ехать. Куда-нибудь, лишь бы сбежать, лишь бы найти норку, забиться и подумать. Впервые в жизни Лера хотела отделаться от Стаса, чтобы понять что-то, а не искала его помощи в этом.

Лера съехала с Ленинского проспекта и свернула в переулок. Дорога сама привела ее к месту, где она когда-то училась рисовать. Из ее занятий ничего не вышло. Где-то через месяц-полтора после начала (студия была интенсивная и Лера проводила там по 6—8 часов в день) ее настигли страшные головные боли, и пришлось ехать в Новосибирск. Да, это как раз было три года назад. А после больницы Стас отговорил ее возвращаться на курс: слишком напряженно, а у нее и по дому занятий хватает.

Лера запарковалась во дворе. Оказалось, что код от шлагбаума, который она автоматически набрала, все еще действовал. Выключила мотор и перевела дыхание.

Пока она ехала, телефон звонил не переставая. Очевидно, Стас заметил ее отъезжающую от кафе. Сейчас телефон замолчал.

Лера сидела, опустив голову на руль. Слезы текли сами собой. Она только что сбежала от своей жизни. От того, к чему привыкла за 9 лет, что любила и чем наслаждалась. Зачем

она сделала это? Ведь ей нравилось жить со Стасом. Нравилась его уверенность, его сила. Нравилось его тело: крепкое, прекрасно сложенное, атлетическое с красивой мужской грудью и сильными мускулами. Он был совсем немного выше ее, но за счет мышечной массы выглядел значительно крупнее, что ее радовало. Ей нравилось чувствовать его рядом, и внутри. Да что там, она любила его и до сих пор любит. Почему же тогда она так судорожно от него убегает? Почему боится увидеть его сейчас?

...Нет, чего-то я недопонимаю... Что со мной происходит? Что я тут делаю? И куда пойду потом?..

От отсутствия ответов Лера зарыдала еще горше. Достала салфетку из бардачка, вытерла слезы. Тушь не текла.

...Удивительно, реву уже почти два часа без перерыва, а тушь держится. Водостойкая...

Однако посмотрев в зеркало она сообразила, что тушь, которую нанесла еще утром перед завтраком со Стасом, давно от слез превратилась в гель или лак для ресниц. Ресницы встали колом и торчали в разные стороны острыми клиньями. Глаза тут же зачесались. Захотелось смыть все это безобразие с мылом. Как в 13 лет, когда мама увидела ее на улице с макияжем и потащила домой умыться. Хотелось сделать тоже самое – смыть наваждение, смыть чужое и инородное с лица, вернуть себе свой естественный облик.

А ведь и впрямь придется умыться с мылом, ведь ничего такого я с собой не взяла – не ожидала, что пригодится, да и подумать было некогда.

Лера посмотрела на окна студии. Кто-то там был несмотря на поздний час. В глубине неярко горела лампа, и видно было только двигающуюся тень. Лера решила рискнуть. Решила зайти.

Взяв с собой только эту треклятую тетрадь и телефон, она постучала в дверь. Она вспомнила, что звонок там был очень долгим и мелодичным, но слушать его веселые напевы сейчас не хотелось.

Дверь открылась. На пороге стоял молодой человек. От одного взгляда на него у Леры разболелась голова, в ушах зазвенело, в мозгу замельтешили невнятные образы и взрывались бомбы, глаза невольно сщурились и Лера схватилась за висок.

– Лерочка?!? – удивленно обрадованный, не верящий восклик открывшего парня было последним, что зафиксировало ее сознание. А потом она провалилась в темноту и тишину, пролетев мимо неразличимого гула и мельтешения.

Открытие второе

– Лерочка, милая, очнись, – тот же голос, только уже мягче, увереннее, теплее. Она откуда-то помнила этот голос. Из своих снов. Она видела этого парня. Он регулярно снился ей последнее время. Снился в самых неожиданных снах. То они во сне с мамой ловили рыбу, на удочке принесло сланец. Мама сказала – это знак – надо понять. И тут вдоль берега прибежал за ним он. То Лера куда-то летела во сне, а стюардесса кого-то искала, подходила к каждому пассажиру и спрашивала Валерий Ковальчук? И тут в проход встал он и громко на весь салон объявил: Валера Ковальчук, это женщина. Прекрасная женщина.

В каких-то еще снах, она видела его. И из снов всплыло имя – Дима. Он был очень высоким и худым, хоть и с широкими плечами и крепкими руками.

Русые, отливающие в медь волосы были собраны в странный пучок высоко на затылке. Лера была уверена, что во сне видела его и с обычным мужским хвостом, и с косичкой, и с дредами и простоволосым. По крайней мере, она легко представила себе, как бы он мог выглядеть с ними. А вот со стрижкой... Вроде нет. Она была уверена, что он – плод ее фантазии, но вот он тут, стоит перед ней во плоти.

– Лерочка, я тебе чаю заварил. С мятой и чабрецом, как ты любишь. И меду гречичного добавил. Тебе надо подкрепиться. Совсем разболелась моя девочка. Я так рад, что ты здесь...

Он смотрел на нее добрыми зелеными глазами из-под пушистых почти рыжих ресниц.

Ха-ха. Наверное, я уснула в машине и мне все это снится. Интересно, людям часто снится, что они проснулись? Мне снится. Прямо сейчас...

Лера поняла, что лежит на широкой мягкой софе, укрытая пледом. Рядом стоит резной столик с кружкой ароматного чая и на корточках сидит Дима – мужчина из ее снов.

Странно. Я же никогда не любила блондинов. Тем более длинных и худых. А этот во сне мне нравится.

– Девочка моя... – он нежно гладил ее по волосам, – сколько же лет прошло? Три. Точнее два года и девять месяцев. Почти ровно тысяча дней. И вот ты здесь. Я всегда верил, что ты придешь. Знал, что не сможешь все это забыть, не сможешь обманывать себя слишком долго. Я ждал тебя. Я выкупил студию, чтобы иметь возможность ждать тебя здесь ночами. Я все время думал о тебе, только о тебе.

Он подскочил и вихрем пронесся вдоль стен, срывая покрывала с картин. Со всех холстов на Леру смотрела она. Она – русалка, она – ангел. Она, она, она. Даже в портрете старой женщины на берегу моря можно было узнать ее. Так, наверное, она будет выглядеть, когда ей будет восемьдесят.

Какой приятный сон. Надо запомнить свое лицо, чтобы потом проверить так уж ли точно мое воображение.

Лера села поудобнее, взяла большую теплую кружку обеими руками и стала разглядывать комнату.

Она помнила студию, какой та была 3 года назад. Огромная комната с огромными окнами практически с трех сторон, дававшими самое разнообразное и интересное освещение в любое время суток. Сейчас на всех окнах были шторы. Оно и понятно – когда на улице темно этот зал как подсвеченный аквариум. Шторы были закрыты, свет давала лишь тусклая настольная

лампа, да через одно окно, выходящее к парковке, свет уличного фонаря чертил тень какой-то причудливой ветки. В таком виде студия была намного уютнее и даже походила на жилище одинокого художника, чем, видимо и была.

Когда проснусь, нужно будет заехать в студию и подкинуть им эту идею. Студентам будет значительно приятнее приходить словно в гости к мастеру.

Лера разглядывала картины. В полумраке настольной лампы они казались живыми. С них на нее смотрело ее прошлое и будущее, и ее настоящее. Только все это не настоящее ее. Она не помнила его и не стремилась к нему...

...Ну, во сне то у меня может быть любое прошлое и будущее. А настоящее этого сна радует меня ничуть не меньше, если не больше, моего реального настоящего...

И тут Лера вспомнила, что сбежала от мужа.

Или это тоже часть сна?

Все смешалось и перепуталось...

Интересно, можно ли жить с одним мужчиной и одной жизнью днем, и с другим мужчиной и другой жизнью ночью во сне, и при этом не чувствовать себя изменницей и лгуньей? А почему бы и нет? Ведь сон – это только сон... или другая реальность, параллельная, не пересекающаяся... Правда настолько реальная по ощущениям, что прямо мурашки по коже.

Она отхлебнула чай. Вкус был таким настоящим, таким насыщенным и таким... знакомым? Лера не помнила, чтобы когда-нибудь слышала о сочетании в чае мяты, чабреца и гречишного меда, но зеленоглазый художник сказал, это был ее любимый чай. В это нетрудно было поверить – вкус был приятный.

...Ну, в параллельной жизни сна почему бы мне не иметь и других вкусов? Чай действительно хорош.

Пряный, согревающий и одновременно странным образом бодрящий напиток словно раскатывался по телу теплыми волнами.

– Дима, – Лера тихонько позвала парня с мыслью проверить, действительно ли во сне знает его имя. ...*Хотя это же мой сон и он по-любому должен отозваться...*

– Да, Лерочка?

Она поняла, что он смотрел на нее еще до того, как она произнесла его имя. Это она разглядывала студию и упустила его из виду, он же все это время не отрываясь смотрел на нее из угла, где на переносной, двухконфорочной электрической плитке закипал блестящий чайник.

– Хочешь еще чаю?

– Я и этот пока не допила.

– Тогда я сделаю себе и сейчас приду.

Из резной тумбочки он достал початую бутылку коньяка, от души плеснул его в огромную пустую кружку, насыпал сверху прямо в коньяк чайных листьев и залил кипятком. Комната наполнилась новым ароматом, и Лере он снова показался знакомым.

– Ну, как ты, девочка моя?

Он смотрел нежно, успокаивающе, так, что хотелось открыть душу, выложить все страхи, чтобы он забрал их, рассказать все мечты, чтобы он помог их осуществить...

– Я только что сбежала от мужа, села в машину и поехала куда глаза глядят, не брала трубку. Просто не могла ни посмотреть на него, ни заговорить...

Лера заглядывала Диме в лицо, пытаясь увидеть, как он реагирует. Она уже поняла, что в этом сне он любил ее и у них были какие-то отношения. Но она не знала, какие и когда, раз он ждал, как он говорит, целых три года.

Реакция была странной: словно несколько показное удивление – левая бровь поползла вверх и застыла с вопросительным выражением. Лицо словно вопрошало – и что дальше? Он не произнес ни слова и ждал от нее продолжения.

– Мне страшно... Я не знаю, что происходит, не знаю... Я думаю, что я сплю и вижу тебя во сне, но даже во сне я не помню тебя. Я не знаю, что у нас было. И не понимаю, причем тут Стас в этом сне. Мне страшно...

Она разрыдалась... Он обнял ее, и запах его тела, его волос, одеколона снова пронзил ее своей реальностью.

– Ты не спишь... Я выключил звук у твоего мобильного... Он звонил и звонил. Я понял, что ты сбежала. Я думал, ты сбежала ко мне... А ты не помнишь... Голос звучал очень грустно. Но горечь была направлена куда-то внутрь. Это не было упреком, это скорее было разочарованием, но не в ней, не в Лере, а в чем-то более важном...

...В божьей? – подумалось Лере...

Я не сплю?

– Я правда не сплю?

– Правда.

– Как же так? Как? Все вокруг реально нереальное. Все похоже на мои сны. Ущипни меня.

Но он поднял ее лицо за подбородок и поцеловал. Нежно и упоительно. Теплые губы, властный язык со вкусом коньяка, сильные руки, обнимающие ее за шею. Это реально... Это нереально прекрасно...

Лера позволила себе раствориться в поцелуе. Когда же Стас целовал меня так в последний раз?

Мысль тут же испортила все. Она отстранилась и стала пристально смотреть на Диму.

– Я же замужем. Все еще... Ты же знаешь.

– Знаю. И это мучительно больно. Понимать, что все эти годы ты была с ним. Что он все еще властен над твоим разумом, душой и телом. Что он не дает тебе быть собой.

Он резко встал. В движениях чувствовалась ярость. Как дикий зверь по клетке он бродил по студии в поисках неизвестно чего. Лера смотрела. Ноги ее холодели от страха и сердце замерло. Он снова боялась.

Чего? Чего я боюсь? Не укусит же он меня? Не съест, не побьет.

Но чужая ярость подбиралась к горлу. Голова затрещала. Шум, вспышка, резь в глазах и вот в ее голове ясная картинка. Сон ли, воспоминание ли? На языке металлический привкус. Ее бьет дрожь. Она вдруг увидела себя маленькой девочкой вцепившейся зубами в мужское предплечье. Коридор старой квартиры закружился перед глазами, и тело ее спиной ударилось

о чье-то женское тело у стены. Копчик больно стукнулся о коленку, зато затылку было мягко на женском животе. Она расцепила зубы. Во рту была гадость, теплая, тягучая, металлическая. В ушах шум чужих криков. Панический ужас. Картинка мелькнула так быстро, словно фотография, вспыхнувшая на мгновение и тут же погасшая.

Вот она ярость. Моя ярость. Вот почему я ее так боюсь. Она бесконтрольна и неуправляема. И разрушительна... Но самое главное, она страшна безудержной силой. Нет разницы, сколько тебе лет, сколько ты вешишь и что умеешь. В ярости ты можешь перегрызть сопернику глотку. В прямом смысле слова... Или погибнуть в схватке, но удовлетворенным. Такова природа ярости: гибель обидчика или своя – нет разницы – кто-то должен пролить кровь. Что же меня так разозлило? Да, нет, что пробудило во мне ярость? Кто там, в этом видении?

Лера встряхнула головой, чтобы сбросить наваждение. Вдруг осознала, что Дима уже давно смотрит на нее снизу вверх, присев на колени.

– Да, девочка моя, нелегко тебе... Я полагаю, тебе нужно это прочитать, – он протянул ей довольно старый распечатанный конверт, – и, вероятно, лучше покинуть студию сейчас. – В руке его был телефон. Последнее сообщение было открыто. «Я вижу твою машину. Никого не слушай, выходи ко мне». Нет, это предпоследнее около часа назад. А последнее – 3 минуты тому – «Я вызываю милицию и мы войдем. А он пойдет за решетку».

Что это? Что это значит? Кому и за что Стас угрожает?

– Это ты пойдешь за решетку? За что?

– Я. Некогда объяснять. Я сам не очень-то понимаю. Тут – он указал на конверт, – все, что ты соизволила мне рассказать. Ты должна знать больше.

– Я не хочу туда!.. Не могу! – Лера чуть не плакала от беспомощности.

– Вот, – он протянул ей связку ключей. – Моя машина припаркована с другой стороны. Ты можешь выйти через заднюю дверь. Езжай ко мне, там пусто, но все же... Помнишь где я живу?

Взгляд Леры выражал такое отчаяние, что ответа не требовалось.

– Кутузовский проспект, д 7 кв. 38. Найдешь?

– Найду.

К воротам домовой парковки подъехала милицейская машина.

– Все, беги, – он поцеловал ее в лоб, как школьницу. – И да, это твое, – протянул ей тетрадь. – Я буду говорить, что не видел тебя.

– Спасибо.

Только выйдя на улицу Лера поняла, что не знает, к какой машине идти.

...Ключ от Nissan. Уже хорошо. Только бы был автомат...

Она нажала кнопку. Отозвался Ниссан Мурано. Руль слева, ручная коробка передач.

...Ять. И что делать? Сидеть в машине?

Лера никогда не водила коробку. Когда-то давно, когда он сдавала на права, она училась ездить на шестерке. Этот опыт ей крайне не понравился и, получив права, она всегда брала себе автомат. И ее первая машина – праворульная японка, и вторая такая же и нынешняя микра были с автоматическими коробками передач. Да и на отдыхе, когда они со Стасом брали машину на прокат, она всегда просила автомат, чтобы иметь возможность подменить его за рулем, если что.

Сейчас же выбора не было – не в прокате.

*А если меня остановят? Я же забыла сумку! Ни прав, ни документов!
А документы на машину?*

Она завела двигатель и залезла в бардачок. Там как по заказу лежали: документы на машину, доверенность на ее имя, права – дубликат, выданный три с лишним года назад...

*Не помню я, чтобы его получала... Но я, похоже, много чего не помню...
Выходит те права, что остались в сумке, не действительны уже три года?
И я ни разу об этом не узнала? Ни разу никто не пробил по базе? Что совсем
ничего не нарушила за три года? Выходит, нет.*

В бардачке также лежали деньги, аккуратной стопочкой, прихваченной зажимом, купюры разных мастей.

...Какой предусмотрительный...

Лера взяла стопку, повертела, но считать не стала – не ее дело. А вот зажим оказался ей знакомым. На нем была арфа или литера V, стилизованная под нее.

*...Красивая вещь. Если бы я решила подарить ювелирное изделие
мужчине, подарила бы именно это.*

В студии зажегся яркий свет. Даже через плотные шторы Лера могла видеть, как по комнате явно ходили люди. Пора было ехать.

Лера собралась с духом, включила заднюю передачу и тронулась.

*Хорошо еще руль с гидроусилителем, и не нужно использовать силу
и бешено крутить баранку.*

Она выехала со стоянки и двинулась в сторону центра.

Вечерние пробки уже рассасывались, но движение было по-прежнему оживленным. У нее заняло 20 минут доехать от Ленинского проспекта до Кутузовского. Третье кольцо как обычно двигалось плотным потоком.

Уже припарковавшись у дома номер 7, Лера сообразила, что ни разу за всю поездку даже не подумала о коробке передач, при этом явно переключала их... Не приходя в сознание...

Дом был сталинский, с высокими потолками и общим монументальным видом. Клумбы у подъездов ухоженные и цветущие. В таких подъездах обычно сидят не суровые вооруженные охранники, а любопытные и все знающие старушки – вахтерши.

А если меня не пустят?

Этих – а если? – сегодня Лера не могла себе позволить. Лера буквально чувствовала, как ее несет с горки вниз и она уже не может остановиться, развернуться и вернуть все назад. Придется доехать до низу. Фактически выбора то у нее не было – не сидеть же в машине. К тому же уже хотелось в туалет. Езда по московским дорогам всегда вызывала у нее это желание.

Лера решила оставить в бардачке все, что там нашла.

Там лежало, там пусть и лежит.

Заглушила мотор и стала разглядывать связку ключей, соображая, на каком этаже должна быть квартира 38. Дом пятиэтажный, следовательно, этаж пятый, второго подъезда.

Она решила, что лучше всего идти уверенным шагом как к себе домой, чтобы избежать всяких вопросов – Да Вы к кому, да зачем? Она вдруг поняла, что даже фамилии Димы не знает, а посмотреть ее на документах как-то не догадалась.

Встряхнула головой, поправила волосы, натянула улыбку и пошла...

– Добрый вечер, – нужно быть вежливой с консьержкой. В ее стеклянno-гипсокартоно-вой будочке старушка словно жила. Там были цветы, чайник, телевизор и старая продавленная тахта.

– А, Лерочка, добрый вечер. Давно вернулись? – старушка смотрела на Леру без удивления, но с вполне искорененной радостью, словно действительно по ней соскучилась. – Дима говорил, вы уезжали. Давненько вас не видели. Мы уж с Маргаритой Федоровной думали, не случилось ли чего. Ведь как вы уехали, Дима начал вещички перевозить. Говорят, купил где-то дом. А сюда исправно каждое утро заходит, проверяет почту, но вроде как уже не живет. Не ночует это точно... А... ключи у вас вижу есть... Значит, звонить не надо. Дима на всякий случай тут оставил свои контакты, если вдруг вы приедете, а его предупредить не сможете... А чего вы удивляетесь? Он всегда обо всем заранее думает, очень предусмотрительный.

Лера почувствовала, что лицо ее действительно имеет очень удивленное выражение. Попыталась вернуть на него легкую улыбку.

– Это точно. Сама его таким считаю. Спасибо, Ольга Паллна. – Лера умудрилась рассмотреть имя на бейдже – Воробьева Ольга Павловна. – Я пойду. Устала с дороги.

– Иди, иди, милая. Чемоданы то кто потащит?

– Да я налегке. Чемоданы потом приедут.

– А.. Ну ладно, а то лифт грузовой третий день не работает. Лифтер наш, Василий Федорович, в запое. Уж жена его и кодировала, и в центры всякие отправляла. Он месяцок походит трезвым, а потом опять. А ведь какой мужик был. Все бабы в округе Ленке завидовали...

Лера знать не знала, о ком говорила вахтерша и очень обрадовалась, когда лифт, наконец, пришел. На сегодня хватит ей собственных историй, до чужих дела не было.

– Спокойной ночи Вам, Ольга Павловна.

– И тебе, отдохнуть, Лерочка.

Двери закрылись, и Лера поняла, что не помнит ни этого лифта, ни этого подъезда, но Ольга Павловна словно персонаж ее снов, как собирательный образ всех вахтерш.

Квартира 38 находилась прямо напротив лифта. Тяжелая дверь, явно металлическая, была обтянута снаружи черным мягким дерматином. Циферки выглядели очень причудливо, словно были выкованы вручную.

А может и были... Художники – люди творческие любят и другие ремесла попробовать.

С ключами все понятно. Этот тяжелый крестообразный от верхнего замка, этот плоский от нижнего.

Лера вставила крестообразный ключ, но что-то дернуло ее надавить на него вместо того, чтобы повернуть, при этом левая рука машинально схватилась за ручку нижнего замка и потянула ее вверх. Внутри двери – где-то в середине, не в замке – что-то лязгнуло, щелкнуло, ухнуло и дверь сама подалась вперед, открыв лериному взору вторую, внутреннюю дверь.

Блин. Словно банковский сейф... Ну что такого может храниться в квартире, чтобы ставить замысловатые замки и железные двери? Еще бы решетки на окна поставили на верхнем этаже...

Лера открыла вторую дверь и... засмеялась. ...И ведь поставил, параноик. Прямо от порога было видно большое окно, выходящее на проспект, схваченное решеткой. Лера завернула налево, где по ее представлениям должен был быть туалет. Выйдя, пошла в ту ком-

нату, чье окно было видно прямо с порога. Красивые кованые, словно ажурные решетки, покрытые патиной, стояли изнутри на всех окнах.

...Оно, конечно, красиво, только как-то некстати. Зачем так закупориваться?

Узор решеток ажурной вуалью лежал на паркетном полу – сквозь окна лился довольно яркий свет уличных фонарей.

...Ну, и как вы открываетесь?

Лера интуитивно потянулась и коснулась какого-то механизма, спрятанного за листочком в правом нижнем углу решетки. Решетка плавно съехала с окна, превратившись в решетку, закрывающую батарею.

...Оригинально...

В огромном зале, показывавшем в коридор только одно окно, было еще три. Лера открыла все решетки, пытаясь почувствовать себя хозяйкой этого места. Света с проспекта хватало, чтобы разглядеть обстановку комнаты. В левом от входа углу стоял большой настоящий камин, с такой же решеткой как на окнах. Около лежал то ли ковер, то ли шкура – в сумраке не разберешь, пока не потрогаешь, а трогать пока не хотелось ничего. Лицом к камину, спиной к окнам стоял уютный двухместный диванчик. Чуть поодаль – кресло качалка. Где-то посередине небольшой журнальный столик, слишком пустой и чистый, чтобы предположить, что хоть кто-то сидел здесь в недавнем прошлом.

В другой части комнаты, словно разделенной на две зоны дверным проемом, стоял огромный стол. То ли обеденный, то ли игровой.

Для игры в бридж. Хотя почему в бридж?

Лера подумала, что в таком огромном зале с камином, решетками, ореховым столом могли бы проходить собрания аристократии, как в фильмах.

На стенах висели картины. Свет из окон падал только на две из них. Обе были кисти хозяйина. Лера узнала манеру. Узнала и модель. Картины снова изображали ее. Или не совсем ее, а кого-то очень похожего на нее. На одной была юная девушка, подросток, со свежим чистым наивным почти детским лицом, но уже женскими, хоть и робкими и трогательными формами. Девушка раскачивалась на качелях и длинные черные волосы и легкое белое платье развивались за ней вслед. Лицо было счастливым светлым и открытым.

Ну, как он так рисует? Неужели так четко представляет себе, как я выглядела в 15 лет?

Смотреть на картину было приятно. Веяло умиротворением и радостью. Чего нельзя было сказать о второй картине. На ней девушка, может, того же возраста, хоть и выглядела старше, тоже была запечатлена в полете. Но летела она с высоты вниз. На фоне ночного неба с полной белой луной пропечатывался силуэт унылой многоэтажки. На верхнем этаже в ярком свете словно двигались люди, участвовавшие в пирушке. А девушка с изможденным, усталым и измученным лицом, отражавшим бессонные ночи и рискованные эксперименты, уже приближалась к земле. Зритель видел ее красивое, хоть и осунувшееся лицо в предпоследний миг перед ударом о землю. Раскинутые худые голые руки, короткая стрижка, черные кожаные бутцы и шорты, колготки в сетку и прозрачная блузка – наивности – или невинности? – нет и следа. Щемящее чувство вызвала эта картина. Вы еще не успевали увидеть и понять, что это изображено самоубийство, но уже чувствовали это...

Лера отвернулась. Смотреть было больно. Ведь это было ее самоубийство. И ничего успокаивающего и ободряющего не было. Не было надежды в этом холсте. Одно сплошное черное отчаяние. Неприкрытое отчаяние и стыд...

А это? Ну откуда он это взял? С чего решил, что я могла выглядеть так и так поступить?

Лера вернулась к первой картине, чтобы восстановить мир в душе. Светлая девчушка все еще качалась на качелях.

Ладно, хватит бродить. Надо все-таки понять, что происходит.

Для начала Лера решила сварить кофе. На дворе уже начиналась ночь, а она привыкла быть в кровати к одиннадцати.

Найти кухню было несложно. И там на окнах стояли похожие решетки. Лера решила не опускать их, а наоборот, найти что-нибудь, чтоб занавесить окно. Оказалось, что и это уже было предусмотрено хозяином квартиры. Плотные темные жалюзи под решеткой и тяжелые плотные шторы перед. Лера закрыла все, и сразу почувствовала облегчение, словно избавившись от страха быть увиденной. Она не понимала, откуда взялся этот страх, но свет включила только после закрывания всех окон на кухне.

Кухня оказалась огромной. С высокими потолками, с большим разделочным столом и шестиконфорочной плитой посередине варочной зоны. Огромный стол стоял в обеденной зоне.

Интересно, здесь когда-нибудь жила достаточно большая семья, которой весь этот размах мог бы пригодиться?

Зона готовки выглядела так, словно принадлежала шикарному ресторану.

О, я бы тут развернулась. Хотя моя кухня не хуже. Моя кухня...

На Леру опять накатил волна страха. Что она тут делает? В чужой квартире, сбежав от мужа... Поверив какой-то странной тетрадке...

Лера заглянула в кофемашину – та была заряжена – только нажми кнопку. Она заглянула в холодильник в поисках молока. На нижней полке ровными рядами стояли нескончаемые двухсотмилли литровые пачки молока разной жирности и сливок.

Запасливый...

Решила сделать капучино.

Зашипело, забулькало, запахло. Она взяла кружку и села за стол. Думала, будет чувствовать себя несоразмерно маленькой и одинокой. Ничего подобного. Оказалось, стол только добавлял ей значимости, силы, уверенности.

Кофе прекрасно пах, молочная пенка стояла высокой горкой. Лера открыла старый конверт, врученный Димой. Решила начать чтение с него. Внутри было письмо. Почерк странный. Местами, как ее собственный, местами, как в тетради, но в общем очень неровный и неравномерный. Подпись ВК могла означать и Валерия Ковальчук, и что угодно. Но она решила поверить Диме – он сказал, она писала.

* * *

Милый Митенька!

Когда ты получишь это письмо, все будет уже кончено. Я не могу больше любить тебя. Эти отношения требуют от меня слишком дорогой цены. Я и так уже очень дорого заплатила. Я хочу назад мою спокойную жизнь, мою уверенность. Я долго к этому шла и многим ради этого пожертвовала. Я не могу выбросить это сейчас, не хочу начинать все сначала.

Мы провели вместе прекрасные 18 месяцев. Но дальше так продолжаться не может. Я не могу уйти от мужа, да и ты не так свободен, как хочешь. Прости меня за все, и прощай.

Не ищи меня, не звони, не пиши. Я не отвечу. Я забуду тебя. Точнее, уже сейчас, когда ты это читаешь, уже забыла. Тебя нет в моей жизни. И не было никогда.

Прощай.

– ВК

* * *

Ну и что мне это дало? Отношения длились полтора года? Т.е. с 2011 года. А где был Стас? Как он это терпел? И почему я это прекратила? Нет, я по-прежнему ничего не понимаю. Надо, видимо, все-таки читать тетрадь.

Лера открыла тетрадь там, где закончила. Салфетка из кафе служила закладкой. Все тот же уверенный почерк продолжал рассказывать ей вариант ее прошлого.

* * *

Прежде, чем перейти к воспоминаниям о своих романтических отношениях с мужчинами, полагаю, следует закончить с отношениями родственными. Точно так же, как образ отца невозможно изменить полностью или стереть из памяти, так и образ дяди, маминого брата, тоже придется оставить. Однако откорректировать его нужно обязательно. Именно благодаря ему в моей душе поселились неверие в мужскую преданность и страх перед ревностью.

Дядя и ревность

Итак, Михаил Васильевич Разномастский сейчас, как и отец, уже давно покоится в земле. Не уверена, правда, что действительно покоится, но так уж говорится.

Этот мужчина – второй по частоте общения и близости к нашей семье. Он переехал во Владивосток с Урала вслед за мамой. Хотел свободы и возможностей. Он был младше мамы на семь лет, но учиться в вузе даже не думал. Хотел сразу зарабатывать большие деньги, а потому пошел на нефтебазу. Сейчас только поняла, что не имею ни малейшего представления, кем же конкретно он там работал.

Дядя Миша Разномастский, как и папа, тоже был мужчиной видным, хотя и совершенно иного типажа. Как рассказывала мама, женщины от него млели. Вылитый цыган со смуглой кожей, зелеными глазами с длинными изогнутыми черными ресницами, со смоляными бровями сросшимися на переносице, вороного крыла кудрями крупно выющихся волос. Роста он был невысокого, но телосложения атлетического и, насколько я помню – а видеть его без рубашки приходилось довольно часто – повышенной волосатости. Отец любил подшучивать по поводу дяди мишиного «свитера».

В детстве дядя Миша никакого интереса у меня не вызывал. Он приезжал к нам в гости на Первую Речку со своей семьей: женой тетей Гулей и детьми – Леной и Наташей. Лена была моего возраста, а Ната на четыре года младше, и мы часто играли вместе. Жили Разномастские в бараке без удобств в ожидании получения жилплощади от государства. Воду на третий этаж носили ведрами и отходы – помои – выносили тем же путем. Еще в каждой комнате деревянного барака – а им на семью досталась комната с маленькой кухонькой – стояла печь, которую в холодные сезоны нужно было топить чуть ли не два раза в день.

Так вот, живя в таких условиях, они практически каждый выходной приходили к нам в просторную двухкомнатную тогда современную квартиру с балконом с видом на море. Они приходили мыться. Иногда, когда воду в нашем доме отключали на профилактику – а это могло длиться месяц – или взрослые просто решали сменить ритуалы, мы ходили вместе в городские бани. И тогда мужики были предоставлены сами себе, а мы с сестренками и мама с тетей Гулей парились в женском отделении. Но чаще всего банные дни проходили в нашей квартире. И если их начало – приготовление тортов, кексов или печений, совместные игры и совместное купание – детей мыли вместе, т.е. одновременно усадив всех троих в большую ванную – меня радовали, то завершение этих посиделок периодически превращалось в черти-что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.